

Марьяна Брай

ТИЮГРАФИЯ

Безупречная
репутация

Марьяна Брай

Безупречная репутация

<https://litres.ru/74671548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я не собиралась прощаться со своей привычной жизнью, где была Первой, но судьба закинула туда, где мне пришлось доказывать свое предназначение. А умела я очень важное: любую, даже совсем убитую репутацию, я восстанавливала и отбеливала до такой белизны, что глаза слепило!

Теперь я должна побороться не только за чужую репутацию, но и за свою! Как всегда: с высоко поднятой головой, с юмором и улыбкой на лице!

Отец - добрый человек, но слишком уж плохой бизнесмен. И если я не докажу, что сама могу вести дела, если мы не соберем к сроку сумму долга, то мне светит брак с настоящим хозяином издательства.

Но у меня совсем другие планы на эту жизнь!

В книге есть:

#Реалии Российской империи

#Попаданка в дворянку

#Прогрессорство и быт

#Из должников в победители

#Настоящая любовь

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	71
Глава 10	81
Глава 11	92
Глава 12	103
Глава 13	110
Глава 15	124
Глава 16	132
Г	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Марьяна Брай

Безупречная репутация

Глава 1

Когда я открыла глаза, первой мыслью было, что мой менеджер переборщил с креативом для корпоратива. Над головой распластался потолок такой высоты, что на нем можно было бы разместить наружную рекламу целого жилого комплекса, а вместо привычного минимализма моей спальни я созерцала лепнину с пухлыми купидонами, которые целились в меня из луков с выражением лиц серийных убийц.

— Лизанька! Господи, Лизанька, душенька, приди в себя! Не пугай папеньку! — Голос над ухом вибрировал, как старый холодильник.

Я повернула голову. Над кроватью навис мужчина. Бакенбарды — по три рубля пучок, взгляд — как у побитого спаниеля, и запах... Боже, от него пахло не парфюмом от Tom Ford, а какой-то смесью духов, краски и табака! Чистого табака, запах которого я узнала лишь в поездке на Кубу.

— Так, — сказала я, и мой голос прозвучал как писк потревоженного бурундука. — Очень смешно. Вадик, это ты? Если это розыгрыш на мой юбилей, то предупреждаю: бюд-

жет на твой отдел я сокращу до стоимости пачки сухариков. Вылезайте из-за штор! Где камеры?

Мужчина замер, его лицо вытянулось, став еще более похожим на грустную грушу.

— Дочка... Лизанька... Ка-ме-ры? Какие камеры, ангел мой? Ты о чем шепчешь? Это я, Платон Сергеевич, отец твой!

— Отец мой в Химках на даче огурцы закатывает. Пятьдесят шестую банку! — рявкнула я, пытаюсь сесть. — Чья это шутка? Кто спонсор банкета? Если это конкуренты из «Медиа-Стар», то передайте им, что корсет — это уже перебор, это нарушение прав человека и Женевской конвенции! Снимите с меня этот панцирь, я дышать не могу! — Я дернулась, и тут же в комнату, подпрыгивая, как мячик для пинг-понга, влетела девица в чепчике.

Она была такой subtilной и дерганой, словно ее только что достали из розетки.

— Эт-то что за будуар царя Гороха? — хмыкнув, огляделась я.

— Ой, барышня! Ой, Елизавета Платоновна, вы никак бредите! — вскрикнула тощая в чепце, выпучила и без того на выпучку глаза, и выронила медный таз. Звук был такой, будто в моей голове решили устроить репетицию оркестра тяжелого рока.

— Марфутка, тише ты, дура! — прикрикнул на нее «отец».

— Марфутка? Серьезно? — я расхохоталась, но смех перешел в кашель. — Ребята, сценарий — дно. Китч. Лубок. Актерская игра на троечку. Где мой телефон? Мне нужно позвонить адвокату и в службу доставки еды, я от этого вашего «реалити» проголодалась.

В этот момент дверь распахнулась с таким грохотом, будто ее вынесли штурмом. В комнату ввалился молодой человек — холеный, с усиками, которые он, очевидно, подкручивал перед зеркалом, но выглядел вполне себе лампово для сего представления.

Вид у него был такой, словно он только что выиграл в лотерею и сразу же ее пропил.

— Очнулась наша спящая красавица! — провозгласил он, картинно прижимая руку к сердцу. — Лиза, душа моя, ты решила умереть прямо перед моим первым выходом в мужской клуб? Не комильфо, сестрица, совершенно не комильфо!

Я посмотрела на него с нескрываемым презрением. Мой опыт подсказывал, что паренек далеко пойдет, если, конечно, не заплывет жирком.

— Ты еще кто? — буркнула я, решив игнорировать его клоунаду. — Аниматор?

— Я? — он картинно обиделся, вопросительно глянул на остальных актеров, но собрался и продолжил: — Я твой обожаемый брат, Николай! Для друзей — Коко, для тебя — источник всех жизненных мудростей и долгов. Что за дивный

вид у тебя сегодня, Лизи? Словно ты увидела привидение или, упаси бог, счет от портнихи.

Я не удостоила его ответом. В голове пульсировала мысль: «Они не раскалываются». Если это розыгрыш, то актеры — просто маньяки системы Станиславского.

— Хватит! — я сорвала с себя тяжелое одеяло. — Шоу окончено. Я ухожу. Где моя одежда? Мое пальто? Мои сапоги?

Я вскочила с кровати, ожидая привычной одышки и тяжелого колыхания своих законных ста двадцати сантиметров в бедрах. Но тело было... странным. Оно было легким. Слишком легким. Я словно не шла, а летела, едва касаясь босыми ногами пушистого ковра с восточными узорами. Мой путь к выходу преградило огромное зеркало в тяжелой золоченой раме. Я остановилась перед ним, собираясь поправить прическу и выдать финальную гневную тираду. Слова застряли в горле. Из зеркала на меня смотрело... существо.

Это была девушка. Лет восемнадцати. Бледная, как свежевystиранная простыня, с огромными испуганными глазами цвета крепкого чая. У нее были густые каштановые волосы, рассыпанные по плечам, и — о боги! — шея. Настоящая, длинная шея, а не тот переход от головы к плечам, который я привыкла маскировать шарфиками от Hermes.

Я подняла руку. Существо в зеркале повторило движение. Я потрогала свою талию — руки почти сомкнулись. В той, прошлой жизни, я была «женщиной в самом соку»,

«приятной полноты» и «обладательницей грандиозного харизма-фактора». Здесь же я была тонкой, как тростинка, которую забыли полить.

— Мать твою... — прошептала я. — Это что, фильтр такой? Глубокий ретушь в реальном времени? Я подошла вплотную к стеклу, едва не коснувшись его носом. Никаких пикселей. Никакой сетки. За кожей пульсировала живая жилка.

— Лизанька, что с тобой? — Платон Сергеевич подошел сзади, его лицо в зеркале выглядело до ужаса реальным. — Ты словно себя не узнаешь.

До меня начало доходить. Медленно, как осознание того, что ты провалил тендер всей жизни. Все эти сказки про попаданцев, над которыми я подтрунивала, потягивая просеко в офисе... они были не сказками. Они были инструкцией по эксплуатации, которую я не удосужилась прочитать.

— Лизи, ты так смотришь на зеркало, будто ждешь, как оно молвит, что ты на свете всех милее, — подал голос Кокко, развалившись в кресле, бесцеремонно вертя в пальцах серебряную щетку для волос.

В этот момент из тени угла вышла еще одна фигура. Девушка, чуть старше той, что отражалась сейчас вместо меня в зеркале, в строгом, почти закрытом платье. У нее было лицо человека, который знает, где зарыты все трупы в этом доме, и лично подписывал счета за лопаты.

— Елизавета Платоновна, вам не стоит так резко вставать,

— сказала она холодным, идеально поставленным голосом. Это была не прислуга. Вернее, она играла не прислугу! Это был кто-то рангом выше. — Доктор предупреждал об опасностях приливов крови к голове после обморока.

— А это кто? — я обернулась к отцу, стараясь сохранить остатки своего профессионального самообладания. — Ваша личная нейросеть в юбке?

— Это же Софья, — растерянно моргнул отец. — Софья Дмитриевна, твоя подруга и... ну, ты же сама просила, чтобы она пожила у нас после смерти её родителей. Она же тебе как сестра!

Я посмотрела на Софью. Та ответила взглядом, в котором читался недюжинный интеллект и легкое подозрение. Понятно. Напарница, или как там назывались эти приживалки, с которыми девушки вечно мотались, дабы, упаси Господь, не быть замеченной наедине с мужчиной. Кроме прочего, мне она показалась единственным вменяемым человеком в этом дурдоме, кроме меня. Ну... если это Шапито на минималках действительно окажется другим веком.

— Так, — я глубоко вдохнула, стараясь не лопнуть в корсете. — Давайте проведем короткую летучку. Значит, я — Лизавета?

Все кивнули настолько синхронно, что я чуть не заржала в голос.

— Это — мой отец с бакенбардами. Это — брат-паразит Коко. Это — Софья, совесть нашего дома. А там, в дверях,

дрожит Марфутка, которая явно ждет, что я сейчас превращусь в оборотня. Правильно?

— Лизи, ты сегодня на редкость... лаконична, — хмыкнул брат. — И где ты набралась этих странных слов? «Летучка», «паразит»... весьма оригинально.

Я заставила себя сесть обратно на кровать. Паника — плохой советчик. Если я действительно в прошлом, в теле восемнадцатилетней дворянки с отрицательным балансом веса и, подозреваю, таким же балансом в банке и правах, то качать эти права сейчас — прямой путь в желтый дом. А там мне мой язык не поможет, там из приятного только смирительная рубашка из натурального хлопка. Нужно разобраться.

— Как меня зовут полностью?

— Елизавета Платоновна Вторая! — со всей серьезностью ответил «батюшка».

— Вторая? — удивилась я, поскольку имя Елизавета я носила все свои почти пятьдесят лет, а вот фамилия моя была «Первая». Да, родители мои — те еще шутники, но в жизни это имя очень помогало, и даже давало понять, что шутки со мною — плохая затея!

— Значит, братец мой — Николай Второй? — внутри меня назревал такой хохот, что сжимавший мое туловище корсет уже не выдерживал.

— Все так, — вставила Софья, все еще присматриваясь ко мне, как к диковинной зверушке, из чего я сделала выводы, что надо сбавить обороты, а то не доживу до полного

выяснения вводных — увезут лечить током и ледяной водой. Хотя... тока тут может еще не быть!

— А год сейчас... какой? — спросила я вкрадчиво.

— Одна тысяча восемьсот пятидесятый, — пролепетал «батюшка».

В голове проскакали даты, и я, боясь ошибиться, предположила все же, что время Николая Первого... Значит, семейка тоже с «изюминкой»...

— Через пару Александров, ты, Николашенька, очумеешь от удивления, — прошептала я себе под нос. — Если это, конечно, не сумасшествие, или... кома, в которой нахожусь сейчас под забористыми препаратами.

Я почувствовала, что у меня начали трястись руки...

— Выйдите все, — сказала я тоном, которым обычно закрывала совещания по кризисному пиару. — Марфутка, ты останься. Будешь работать моим поисковиком.

— Кем-кем, барышня?! — пискнула горничная, роняя на пол полотенце.

— Обучать буду на ходу, — отрезала я. — Папенька, Коко, Софья — идите по своим делам. Жива я, и, вроде даже здорова. Помогите корсет снять, Марфа, а то не вдохнуть, как говорится, и не... это.

Отец, выглядящий так, словно его только что помиловали, поспешно потащил Коко за рукав к выходу. Софья задержалась в дверях на секунду, окинула меня долгим взглядом и молча кивнула. Она мне уже нравилась. Редкий тип пони-

мающего зрителя.

Когда за ними закрылась дверь, я повернулась к зеркалу и подмигнула своему новому отражению. — Ну что, Лизавета Вторая, — прошептала я. — Посмотрим, как девятнадцатый век пожуёт и переварит современную акулу.

Глава 2

Весь остаток дня я провела в режиме «энергосбережения», который больше напоминал глубокую депрессию. Я забаррикадировалась в своей комнате, если можно так назвать этот филиал Эрмитажа с запахом нафталина и девичьих грез. Состояние «не в своей тарелке» сменилось состоянием «не в своем теле», и это пугало до икоты.

Единственным источником связи с реальностью — если этот сюрреализм вообще можно называть реальностью — стала Марфутка. Слава богу, девочка оказалась настоящей информационной сокровищницей, из тех, кого в моем агентстве называли «сливными бочками». Стоило мне просто кивнуть, как она включала режим радиовещания без пауз на рекламу.

— Ой, барышня, ну и напугали вы нас! — причитала она, яростно взбивая подушки. — Аккурат на крыльцо вышли, а под утро-то подморозило, гладь как зеркало! Вы только ножку занесли, а юбки-то тяжелые, бархат-с... И как ахнетесь! Затылком прямо о гранит. Папенька ваш аж чашку с чаем выронил, так и стоит теперь в столовой пятно, ничем не вывести.

Я слушала её, лениво перебирая пальцами кружево на сорочке. Тело ощущалось чужим, как арендованный костюм,

который тебе явно мал в плечах, но велик в талии.

— Марфуш, — подала я голос, стараясь попадать в тональность кисейной барышни, — а напомни-ка мне... вот чисто для проверки твоей памяти, как мы тут вообще живем? Кто в доме главный, кто мимо проходит?

Марфутка на секунду замерла с наволочкой в руках, округлив глаза:

— Ой, барышня, неужто всё из головы вылетело?

— Проверяю тебя, говорю же! — отрезала я тоном начальника отдела кадров. — Стану я из-за какого-то льда всё забывать. Давай, не отвлекайся.

Марфутка облегченно выдохнула и застрочила еще быстрее. Из её болтовни я выудила, что мы — дворяне «средней руки с уклоном в левую нижнюю», что матушка скончалась, оставив папеньку с газетой и двумя чадами (мной и этим Кокко), и что дела наши, мягко говоря, пахнут керосином.

Когда голова более-менее перестала имитировать колокол, я совершила героический марш-бросок к подошвенному подоконнику. Уселась на него, поджав ноги. Странная, и совершенно неудобная раньше поза стала настолько приятной на деле, что защемило в груди.

Петербург девятнадцатого века выглядел как очень дорогой, но не слишком чистый исторический фильм. Дорога, проходящая от дома метрах в десяти была вымощена камнем, по которому с грохотом проносились кареты и пролетки. Лошади фыркали, извозчики орали что-то нечленораз-

дельное, а прохожие кутались в шинели и пальто. Дом напротив был монументален и мрачен, но на первом его этаже жизнь была ключом. Над дверью красовалась вывеска с золочеными буквами: «Чайная торговля товарищества Высоцкого».

Люди входили туда с постными лицами, а выходили, прижимая к груди заветные свертки, и лица их светлели прямо на глазах.

«Маркетинг работает во все времена», — цинично подумала я. Масштаб массовки впечатлял. Если это розыгрыш, то бюджет у него больше, чем у Олимпиады. Но главное доказательство было не за окном. Оно было здесь, под кружевной сорочкой. Я посмотрела на свой плоский — боже мой, по-настоящему плоский! — живот.

В той жизни я десять лет воевала с каждым лишним эклером, и эклеры обычно побеждали со счетом 5:0. Здесь же я была тонкой, как тростинка, изящной и... пугающе молодой. Кожа светилась так, будто её отфотошопили еще до рождения.

«Ну что ж, Лизавета, — сказала я своему отражению в темном стекле. — Визуальный ряд у нас на пятерку. Осталось разобраться с контентом».

Утро началось с экзекуции. Марфа влетела в комнату с энтузиазмом кавалерийского офицера перед боем. Умывание, причесывание, облачение... Когда она начала затягивать на мне корсет, я поняла, почему женщины того времени посто-

янно падали в обморок. Это не мода, это пыточный инструмент для подавления политической воли.

— Елизавета Платоновна, к завтраку извольте, — пропела она, втыкая последнюю шпильку мне в затылок. — Папенька и Николай Платонович уже за столом-с. Ждут-с. «Ну, пошли в логово льва», — подумала я, поправляя юбку.

В столовой висела такая тишина, что было слышно, как муха бьется о стекло где-то в соседнем квартале. Папенька — Платон Сергеевич — сидел во главе стола, печально глядя в тарелку с овсянкой. Коко вяло ковырял вилкой ветчину, выглядя так, будто его только что переехал конный трамвай. При моем появлении оба синхронно вскинули головы. В их глазах читалось ожидание: заору ли я снова про «камеры» и «адвокатов» или просто начну кидаться посудой.

Я мило улыбнулась — так, как улыбалась спонсорам, когда смета увеличивалась втрое.

— Доброе утро. Прошу прощения за вчерашний... перформанс. Головой знатно приложилась, в глазах двоилось, вот и несла чепуху несусветную. Сейчас всё в порядке. Почти.

Папенька выдохнул так громко, что пламя свечи на столе дрогнуло.

— Слава богу! Лизанька, душа моя, мы так испугались. Доктор сказал — сотрясение мозга, покой нужен. Но ты, я вижу, бодрисься?

— Бодрюсь, папенька, — я присела за стол, оценивая сер-

вировку. Серебро тусклое, фарфор со сколами. Ясно, финансовая подушка превратилась в половую тряпку.

— Расскажите-ка мне лучше, как у нас дела. А то я из-за этого падения чувствую себя... дезориентированной. Чем живет наше семейное гнездо? Николай, которому действительно, больше подходило дурацкое Коко фыркнул, не поднимая глаз.

— Дебютом твоим оно живет, сестрица. Который, судя по всему, откладывается до морковного заговенья, — малец, по всей видимости, пользовался мягкостью отца, и встревать в разговоры не то что любил — не мог без своих «пяти копеек».

Отец нахмурился и отставил чашку. Он выглядел как человек, который всю жизнь пытался построить храм, а в итоге построил карточный домик, и теперь дует на него, чтобы не рухнул.

— Дела, дочка... — он замялся. — Дела идут своим чередом. Газета наша, «Светский Петербург», всё так же востребована... в определенных кругах.

— В кругах тех, кому нечем растопить камин? — не удержалась я. — Папенька, давайте на чистоту. Я, конечно, «головой ударилась», но не до стадии амнезии базовых инстинктов. Издание убыточно?

Платон Сергеевич вздрогнул и глянул на меня с большим удивлением. Судя по его лицу, слово «убыточно» в этом доме было сродни нецензурному.

— Ну... как тебе сказать. Объявления о продаже подер-

жанных карет и некрологи приносят не так много, как хотелось бы. Но это мое детище! Душа моя! Я ведь каждый номер собственноручно вычитываю...

Я смотрела на него и видела классический тип «клиента-идеалиста». Добрый, образованный, бесконечно наивный человек, который думает, что качество продукта гарантирует продажи. Ага, щас. В 2024-м он бы вел блог про бабочек с тремя подписчиками и искренне удивлялся, почему рекламодатели не стоят в очереди.

— И в чем главная беда? Кроме отсутствия креатива? — спросила я, деловито намазывая масло на булку. Корсет закрипел, протестуя против углеводов. Я в очередной раз прикусила язык: вот ведь дура, никак не могу следить за ним и не вставлять эти слова из моей привычной жизни.

— Беда в том, Лиза, — подал голос Коко, — что Аркадий Викторович Столпянский, наш дорогой совладелец, больше не хочет быть «совладельцем». Он хочет быть хозяином. Или получить свои деньги назад. А денег, как ты понимаешь, нет. Даже на мои новые перчатки.

— И много мы ему должны? — я подняла бровь. Отец побледнел.

— Всю газету, дом и, боюсь, твое приданое, которого и так... хм... негусто. Он настаивает на возврате долга до конца сезона. Или...

— Или? — я чувствовала, как во мне просыпается азарт. Старая добрая схема: рейдерский захват через долговые обя-

зательства.

— Или свадьба, — тихо закончил Платон Сергеевич. — Он предлагает объединить капиталы и... судьбы. Лиза, он человек почтенный, состоятельный. Немолод, конечно, но...

Я чуть не подавилась булкой. Вот оно что. Классика жанра. Слияние и поглощение в самом буквальном смысле. Но вторым элементом так называемого слияния душ и тел в этой семье могла быть... только я!

«Так, Лизавета Первая-Вторая, — подумала я, глядя на поникшего отца. — Перед тобой совершенно непрактичный мужик, владеющий СМИ в центре культурной столицы, и хищник, который хочет прибрать это СМИ к рукам, прицепом забрав тебя в качестве мебели. Это же золотая жила! Да я из этой газетенки сделаю такой холдинг, что Столпянский сам мне за рекламу приплачивать будет».

— Папенька, — сказала я, вытирая губы салфеткой. — Не надо меня продавать. Считайте, что мой ушиб головы открыл у меня чакру... то есть, дар предвидения и управления массами. Газета не умрет. Мы сделаем из нее «Светский Петербург», который будут читать даже в Зимнем дворце под одеялом.

Отец посмотрел на меня так, будто я предложила ему слезать на Луну на паровозе. Коко прыснул в кулак. А я почувствовала, как внутри меня начинает работать привычный мотор. Пятидесятый год махрового века? Отлично. Здесь нет интернета, зато полно людей с грязными секретами и по-

требностью в чисто плотной репутации.

Двери столовой отворились, и в комнату вошла Софья. Если бы в моем времени существовал эталон «строгого за-вуча в теле молодой аристократки», Софья заняла бы в этой палате мер и весов центральное место. Подтянутая, затянутая в тёмное платье так плотно, что, казалось, она не дышит, а совершает фотосинтез, она несла себя к столу как священный Грааль.

— Доброе утро, — её голос прозвучал как удар серебряной ложечки о хрусталь. Никакой суеты, никакой Марфуткиной прыти. Она присела на край стула, расправила салфетку и внимательно посмотрела на меня. В этом взгляде было больше рентгена, чем в современном томографе.

— Лиза, душенька, — Софья едва заметно улыбнулась одними уголками губ. — Вижу, румянец вернулся. Мы все вчера не находили себе места. Надеюсь, временное помутнение рассудка осталось в той ледяной луже на крыльце?

Я неопределенно хмыкнула, сосредоточенно ковыряя вилкой омлет, который здесь называли как-то иначе, но на вкус он был вполне съедобным.

— Сонечка, я в полном порядке, — ответила я, примеряя на себя амплу «популярной девочки». Голос всё еще казался мне чужим, но я уже начала к нему привыкать, как к новому интерфейсу в айфоне.

— Это похвально, — кивнула Софья, бросив короткий взгляд на Платона Сергеевича.

— Сейчас не время для девичьих обмороков и капризов. Ты должна послушать отца. Нам всем... — она сделала крошечную паузу, и я кожей почувствовала, как под этой фразой «нам всем» скрывается её личный страх за завтрашний день, — ...нам всем будет спокойнее, если ты вникнешь в дела и поможешь сохранить то немного, что осталось от семейных активов.

Я посмотрела на неё поверх чашки. «Логично, дорогая», — подумала я про себя. Софья была умна. Она прекрасно понимала: если газета «Светский Петербург» окончательно превратится в туалетную бумагу для извозчиков, её собственное положение «подруги-наперсницы» при богатом доме лопнет как мыльный пузырь. А идти в гувернантки к каким-нибудь купцам ей явно не улыбалось. Там масло на хлеб мажут не так густо, да и манеры хромают.

— Я всё выслушаю, Софья. Не беспокойся, — кротко сказала я, стараясь не заржать от собственной праведности. — Папенька как раз собирался ввести меня в курс дела.

Софья удовлетворенно кивнула и принялась за свой тост, а я подумала, что из этой женщины вышел бы отличный финансовый контролер. Жесткий, неподкупный и чертовски мотивированный чужим разорением.

Когда отец, а следом и Софья, воспитанная в уважении к хозяину дома, вышли из-за стола и покинули столовую, я решила взяться за второго по глупости обитателя этого дома. Правда, надежда была, что дело в его возрасте, и со вре-

менем этот молодой человек станет умнее, надежнее. Не хотелось стыдиться своего собственного брата, раз уж судьба распорядилась вот так!

— Коко, — я повернулась к брату. — Твои перчатки подождут. После завтрака расскажешь мне всё, что знаешь о Столпянском. В деталях. Его любовницы, его долги, его любимый сорт табака.

— Лиза, ты пугаешь меня. Откуда я это узнаю? В обществе принято говорить только о том, что на виду! — пробормотал Коко.

— Привыкай, братец. Это называется — стратегия захвата рынка. И, коли ты любишь светскую жизнь, то лучше слушать во все уши и смотреть во все глаза, иначе, мир покажется тебе несправедливым и грубым уже скоро.

Я встала из-за стола, ощущая странную легкость. Быть молодой и стройной — это бонус. Быть умной и опытной — это оружие. А быть Елизаветой Второй в городе, который еще не знает, что такое черный пиар — это просто подарок судьбы.

Глава 3

Этот день моей новой жизни начался с того, что я официально объявила войну корсету. Точнее, мы заключили временное перемирие: он не ломает мне ребра, а я не пытаюсь перерезать его кухонным ножом. Поэтому, несколько минут, воющую, как собака Баскервиль Марфу я убеждала не затягивать его до посинения. Она сдалась, когда я намекнула, что и без того голова кружится, и, если умру, виноватой будет она.

Весь день я посвятила промышленному шпионажу в масштабах отдельно взятого частного владения. Если верить выпискам из моей памяти, которые загружались крайне медленно, как через роутер в подвале, наш особняк на Кирочной был вещью статусной, но изрядно поношенной.

Двухэтажная махина с лепниной, которая местами напоминала осыпавшуюся с прыщей пудру на лице стареющей кокетки. Внутри — анфилады комнат, в которых можно было бы разместить три коворкинга и небольшую дизайн-студию, но сейчас здесь гуляли только сквозняки и запах мастики. Ковры были заметно протерты, хоть и чисты, вазы, давно не видевшие цветов, расставлены хаотично, словно только ради того, чтобы не стоять кучей на подоконнике.

Я вышла во двор. Осень начиналась красивая, золотая.

Первые морозцы по утрам еще не сделали траву серой и осклизлой, редкое в Петербурге солнце по утрам щедро лило свои лучи до обеда, и этого доставало, чтобы не погрузить конец лета в хтонь и мрак.

За домом обнаружили конюшни. Огромные, добротные, пахнувшие сухим сеном и застарелым навозом — ароматом, который, в этом времени, видимо, заменял запах выхлопных газов премиальных авто. Конюшня была рассчитана на добрый десяток лошадей, эдакий подземный паркинг для элиты. Но в стойлах сиротливо переминались с ноги на ногу всего двое: каурая кобыла с грустными глазами и какой-то пегий мерин, который посмотрел на меня с таким сочувствием, будто знал состояние нашего банковского счета.

Конюх с мальчишкой лет десяти, которых я увидела, явно были единственным персоналом в конюшне, и, судя по взгляду на меня, совсем не переживали, что я о них подумаю. Скорее всего, они уже подыскивали местечко понажористее, чем наше семейное гнездышко.

«М-да, автопарк явно поредел», — отметила я про себя, выходя за ворота. Петербург обдал меня сыростью и шумом. Я стояла у кованой ограды, впитывая эпоху, как сухая губка — коньяк. Мимо протарахтела пролетка, извозчик в нахлобученном армяке смачно сплюнул на мостовую.

Поразило меня и то, что некоторые, кажется, совсем незнакомые слова, названия вещей, всплывали в моей голове так скоро. Да, я была серой мышью, «синим чулком» с са-

мого детства — книги меня интересовали куда больше людей, и тем более, развлечений. И это дало мне огромный багаж знаний. Хорошая память и умение разговаривать, в нужном месте вставить нужное слово, а то и шутку, привлекают куда больше, чем накачанные губы, если все, что тебе требуется — сотрудничество, а не брак.

Дамы в необъятных кринолинах плыли по тротуарам, словно парусники, лавирующие между лужами. Это был хаос, лишенный неоновых вывесок, но наполненный живой, грубой энергией.

— Лиза! Ты с ума сошла? — Голос Софьи разрезал воздух, как скальпель. — Без шляпки! Без сопровождения! Прямо у ворот! Ты хочешь, чтобы завтра весь город обсуждал, как дочь Платона Сергеевича окончательно лишилась рассудка после падения?

Я медленно обернулась. Софья стояла за моей спиной, скрестив руки на груди. В её позе было столько властности, что я невольно сделала вывод: прежняя Лизанька была редкостной рохлей, комнатной фиалкой, которой можно было указывать даже направление вдоха.

— Сонечка, — я улыбнулась своей самой «профессиональной» улыбкой, от которой у моих подчиненных в прошлой жизни обычно холодели ладони. — Во-первых, не кричи. У меня всё ещё мигрень, а твой ультразвук её не лечит. Во-вторых, не переживай так за мою репутацию. Она — дама капризная, привыкнет.

Софья поперхнулась воздухом. Её идеальные брови взметнулись к челке.

— Не кричать? Лиза, я лишь забочусь о тебе...

— Заботься потише, дорогая. Я просто вышла подышать воздухом. Иди, я скоро вернусь.

Я оставила в состоянии когнитивного диссонанса. Внутри меня ликовал маленький внутренний антагонист: первый раунд за мной. Софья была полезна как контролер, но роль «мамочки» в моем сценарии вакантна не была.

Обед прошел в гробовой тишине. Папенька сосредоточенно изучал газету, а после - тарелку с супом, Софья демонстративно молчала, поджав губы, а Коко... Коко не было. Его стул сиял пустотой, как дыра в нашем семейном бюджете.

Ужин повторил диспозицию, только Платон Сергеевич выглядел еще более помятым и мрачным, а Софья — еще более праведной. Разговора не получилось – все были погружены в свои мысли, отвечали односложно, нехотя, хоть и пытались играть в теплые отношения. Я как никто знал, что количество денег на счете прямо пропорционально атмосфере в доме. Заботы и долги угнетают, а шанс оказаться соержанками унижает сильнее всего. В этом наши взгляды с папенькой совпадали идеально, и теперь я знала куда нажимать и где подкрутить, чтобы он принял правильное решение.

Выходить замуж мне хотелось лет в тридцать, и то, я списывала потом это желание на гормоны, буйно расцветшие в моей голове из-за природного процесса в организме, но при-

смотревшись к тройке претендентов, на тот момент крутившихся рядом, логически победила природу.

Мне потом говорили, что я не там искала, но даже мой просчитывающий всё и вся мозг не был лишен романтики. Я искренне верила, что браки заключаются на небесах, и нужен тот самый первый взгляд, задержанный вздох, нужно чтобы сердце пропустило удар, когда я увижу того самого, определенного мне небом и судьбой.

Поэтому, брак с папенькиным врагом я сейчас рассматривала в самую последнюю очередь.

Я легла спать, но сон не шел. Мне нужен был Николай. В любом бизнесе нужен человек, который знает, где в этом городе подают лучшие сплетни, и кто с кем спит в обход приличий. Мой брат был идеальным кандидатом на роль отдела инсайдов.

Около четырех утра, когда сон, наконец, начал смеживать мои веки, дом вздрогнул. Послышалась возня, приглушенный мат и звук падающей подставки для тростей. Я накинула халат, это чертовски тяжелое, густо испещренное золотой вышивкой сооружение из бархата и вышла в коридор. Коко — или Николай Платонович, если официально — пытался штурмовать лестницу. Его цилиндр съехал на затылок, галстук напоминал побежденную змею, а от амбре, исходившего от него, можно было бы заправить небольшой дирижабль.

— О-о, Лизавета... — он замер, сфокусировав взгляд на мне. — Ты чего... не спишь? Бессонница после ... этого...

штурма гранит головой?

Я схватила его за локоть и, несмотря на его попытки изобразить вольную перелётную птицу, затащила в свою комнату. Усадила в кресло, где он тут же обмяк.

— Так, Коко, — я присела напротив, проигнорировав правила приличия. — Пьяные нотации читать не буду, это скучно. У меня к тебе деловое предложение.

— Предложение? — он икнул. — Ты хочешь, чтобы я... купил тебе новых лент? Лиза, казна пуста... Я пью, пока мои друзья угощают меня, но скоро это прекратится... к моему ве-ли-ко-му сожалению.

— Забудь про ленты. Мне нужны сплетни. Самые грязные, самые свежие. Кто в Петербурге сейчас на грани позора? У кого из тузов репутация трещит, как корсет после обеда? О ком шепчутся в кулуарах клубов, где ты спускаешь чужие деньги?

Николай внезапно протрезвел — ну, насколько это возможно для человека, наполовину состоящего из шампанского. Он посмотрел на меня как на говорящую собаку.

— Лиза... ты ли это? Какие сплетни? Зачем тебе эта грязь?

— Затем, братец, что твоя веселая жизнь стоит денег. А денег у папеньки осталось только на то, чтобы купить веревку и мыло. Если мы не превратим нашу газету в главный рупор истины... или хотя бы очень правдоподобной лжи, то через месяц ты будешь играть на гармошке у Казанского со-

бора.

Коко почесал переносицу, и в его глазах зажегся огонек азарта.

— Ну... — протянул он. — Есть один полковник... Его жена вчера сбежала с учителем фехтования, но официально «уехала на воды». А еще Шелестов... Евгений Шелестов. О-о, там такая история, Лиза, что твои уши завянут... Чего это я разоткровенничался... с девицей? — Коко вдруг покраснел и уставился на меня виноватым взглядом.

Я вытащила из ящика стола карандаш и клочок бумаги.

— Поверь, я знаю о жизни людей куда больше твоего. Одно дело — молчать о своих знаниях, братец, а совсем другое — использовать их. Нам сейчас не до приличий, знаешь ли. Думаешь, мой муженек станет вас содержать? Да ни за что! Такие акулы умеют считать деньги, и с тобой, как с содержанкой, очень быстро перестанут общаться друзья, а жениться тебе придется на вдовушке с тремя детьми и ее вечной мигренью. Такой жизни хочешь?

— Нет, — совершенно уже трезвым, и вполне оценивающим свои шансы тоном ответил Коко. В его взгляде читалось, что он именно сейчас представляет свою будущую жизнь, и впадает все в большее уныние от таких перспектив. Я порадовалась, что нащупала самую главную мотивацию братика.

— Шелестов? Продолжай, Коко. Считай, что ты только что прошел собеседование на должность главного репорте-

ра. Выкладывай всё. Город за окном всё еще спал, но в моей комнате только что зародился первый отдел сбора данных «Петербургского пиар-агентства Лизы Второй». И, судя по загоревшемуся лицу брата, этот кейс обещал быть легендарным.

Глава 4

Утро в Петербурге — это всегда соревнование между сыростью, серостью и запахом свежесвепеченных калачей из лавки на углу. Последний, к слову, проигрывал. Я сидела за столом в столовой, стараясь сохранять осанку, подобающую дворянке, и одновременно не заснуть прямо в тарелке с овсянкой. Напротив меня устроился Коко. Вид у него был такой, будто его всю ночь жевали, но так и не решились проглотить. Глаза припухли, галстук был завязан с грацией человека, пережившего кораблекрушение.

Он смотрел на меня поверх кофейной чашки — долго, не мигая, с таким выражением, будто пытался разглядеть в привычном интерфейсе сестры вредоносное программное обеспечение.

— Лиза, ты вчера... хм... была весьма конкретна под утро, — наконец прошептал он, наклонившись, пока отец с Софьей обсуждали погоду и, почему-то цены на недвижимость. — Ты всегда так крепко хватаешь людей за лацканы, когда хочешь поговорить о светских сплетнях?

Я мило улыбнулась, откусывая кусочек поджаренного хлеба.

— Привыкай, Коко. Жизнь — субстанция переменчивая. Чтобы в ней закрепиться, нужна твердая рука. Ты со мной? —

по-свойски поинтересовалась я. Мне сейчас верный помощник был нужен сильнее, чем воздух, и я боялась, что протрезвев, Коко отступит, сдаст позиции.

— Еще бы! Я даже не страдал головными болями сегодня, поскольку протрезвел от нашей беседы, сестрица. И как такое могло прийти в твою светлую голову... ах, точно, это твое падение. Вероятно, чтобы и мне начать видеть жизнь иначе, надобно приложиться к порогу. Наверное, этим я и займусь сразу после обеда, — настроение у Николая было отменное, и самое главное — он не передумал. Это было единственным, что меня сейчас радовало. Если не считать наличие талии и шеи в моем новом теле.

Отец, сидевший во главе стола, объяснял Софье, что переезд в Москву, возможно, был бы полезен всем нам. Платон Сергеевич за последние сутки словно уменьшился в размерах. Он как-то весь «скукожился» — идеальное слово из моего лексикона XXI века, которое здесь еще не изобрели, но явление уже всюду процветало. Он был замкнут, как сейф со сломанным кодом, и излучал такую меланхолию, что даже сливки в кувшине, казалось, вот-вот прокиснут.

Софья же, напротив, была наэлектризована. Она сидела по левую руку от отца, прямая, как инквизиторский столб, и её безмолвное неодобрение в мою сторону ощущалось кожей.

— Я считаю, нам нужно бороться, а не искать пути к отходу. К слову, я понимаю, пути к отходу у вас готовятся без

меня? Сразу после того, как мной рассчитаются за долги? — не смогла помолчать, и сразу пожалела, потому что отецглянул на меня с такой горечью, что захотелось встать и извинившись, обнять мужчину.

— Лизанька, — прошипела Софья тем самым тоном, которым обычно зачитывают смертные приговоры или сообщают об отсутствии скидок в «Глобус Гурмэ», — мне кажется, твоё падение... хм... высвободило в тебе некие черты, которые раньше ты благоразумно держала при себе. Твоё самовольство вчера и сегодня... оно расстраивает папеньку. Ты стала резка, ты позволяешь себе суждения, не подходящие твоему возрасту.

Я почувствовала, как под столом Софья нашла мою коленку и выразительно на неё надавила. Видимо, это был сигнал «Заткнись и сиди ровно». Но я никогда не ждала смены погоды. В моем характере было если не разогнать облака, то уехать туда, где солнечно и сухо.

— Папенька, — я игнорировала Софью, глядя прямо в усталые глаза отца. — О чем ты так сильно переживаешь? Давай без экивоков. Мы же семья.

Отец вздрогнул. Его серебряная ложечка с мелодичным звоном упала на скатерть. Он посмотрел на меня с таким искренним сожалением, что мне на секунду стало стыдно за свой напор.

— Лиза... деточка, — он тяжело вздохнул. — Как бы мы ни притворялись, в нашей жизни грядут перемены. И боюсь,

не те, о которых пишут в модных романах. Он замолчал, и тишина в столовой стала такой плотной, что её можно было резать ножом.

Софья икнула — деликатно, почти аристократично, — но взгляд её не оторвался от моего лица. Я читала мысли отца как открытый пресс-релиз: он видел только один выход. Продать меня подороже, чтобы спасти газету, дом и Коко от публичного позора. В его мире женщина была активом. В моем — она была тем, кто эти активы перераспределяет.

«Спокойно, Лиза. Только не сорвись на лекцию о феминизме, тебя здесь не поймут», — приказала я себе. Я уже почти созрела для своего предложения, но тут Марфутка, влетевшая в столовую с видом человека, увидевшего конец света, пролепетала:

— Аркадий Викторович Столпянский! С визитом!

Без дальнейшего расшаркивания, и приглашения, правил которых я не знала, но все равно, чувствовала, что они имеют место быть, в комнату вошел хищник.

Если бы в этом году в мире выпускался культовый журнал для мужчин, Аркадий Викторович красовался бы на обложке под заголовком «Как сожрать конкурента и не испортить маникюр». Высокий, с безупречно подстриженной темной бородкой и глазами цвета холодного кофе, он нес в себе ту пугающую уверенность, которую дают только очень большие деньги и абсолютное отсутствие совести. Отец тут же «скукожился» до состояния изюминки. Он встал, рука его

заметно дрожала, когда он указывал гостю на кресло.

— Аркадий Викторович... какая неожиданность. Мы как раз...

— Оставьте формальности, Платон Сергеевич, чай не чужие люди, у нас с вами столько общего, не один пуд соли, так сказать... — голос Столпянского был густым и маслянистым, как дорогой португальский портвейн. — Я зашел засвидетельствовать почтение Елизавете Платоновне. Слышал о досадном происшествии на крыльце.

Он повернулся ко мне, и я ощутила физический толчок. Он смотрел на меня не как на «милую Лизаньку», а с вполне отчетливым, неприкрытым вожделением коллекционера, который нашел на аукционе редкий, хоть и немного пыльный экземпляр.

— Ну как вы, душа моя? — он бесцеремонно взял мою руку и запечатлел на ней поцелуй, который длился на полторы секунды дольше приличия.

— Жива, как видите, — ответила я, не отнимая руки, но и не отвечая на пожатие. — Голова гудит, но мысли, к удивлению многих, стали удивительно четкими.

Он уселся рядом со мной, прислуга моментально организовала для него столовые приборы и горячий чай, вокруг него засуетились отец и Софья.

— Скажите, Аркадий Викторович, а какие у вас еще интересы, помимо нашей многострадальной газеты? Есть ли у вас... как бы это сказать... более прибыльные активы? —

спросила я, не дождавшись, когда он прожует. Нравилось мне заставлять вот таких гиен показать свою суть. А в этом очень помогали вопросы не вовремя.

Отец поперхнулся чаем. Коко замер с куском булки во рту. Софья, отодвинутая от меня, больше не могла под столом выстукивать на моем колене морзянку, но взгляд ее максимально качественно передавал сообщение: «Прекрати немедленно, идиотка!».

Столпянский приподнял бровь. Мой вопрос о бабках явно не вписывался в его концепцию «беседы с невинной девой». Но шок быстро сменился азартным блеском в глазах.

— О, вы интересуетесь коммерцией? Неожиданно. Полагал, ваш круг интересов — это новые фасоны шляпок и... благотворительность.

— Деньги — это самая честная благотворительность, — парировала я, глядя ему прямо в зрачки. — Они позволяют помогать людям, не тратя время на фальшивые улыбки. Так что там с бизнесом?

— У меня есть хлопковые мануфактуры и кое-какое участие в железнодорожном строительстве, — он усмехнулся, присаживаясь напротив. — Вам это что-то говорит?

— Говорит о том, что у вас хороший инвестиционный портфель, — кивнула я, окончательно добывая окружающих использованием терминологии будущего. — Это внушает уважение.

Аркадий Викторович выглядел так, будто ему в чай вне-

запно добавили острый перец. Он был шокирован, но, черт возьми, ему это нравилось! Решив выбить его из колеи, я только усилила его интерес к себе. Это говорило о нашем госте только одно — он не гиена, он лев!

— Елизавета Платоновна, вы само очарование в своем новом амплуа, — он перевел взгляд на отца. — Платон Сергеевич, я полагаю, нам не стоит затягивать. Зачем ждать? Свадьба в начале зимы была бы прекрасным решением всех... наших общих затруднений.

— Аркадий Викторович, — вкрадчиво начала я, подавшись вперед так, что наши лица оказались совсем рядом. — Зима — это так... суетно. Холода, метели, гости замерзнут. Мы ведь почти не знаем друг друга. Вы же не покупаете акции... простите, долю в деле, не изучив отчетность? Давайте не будем торопиться.

Отец, почувствовал в моем голосе не страх, а какую-то новую, непонятную ему силу, робко вставил:

— Возможно... возможно, Елизавета права. До весны...

— А лучше до лета, — добавила я, ослепительно улыбаясь. — Летом в Петербурге такая чудесная обстановка!

Столянский резко поставил чашку на блюде. Весь его лоск мгновенно испарился, обнажив сталь.

— Лето — это слишком долго, — отрезал он, и от его голоса по комнате прошел холодок. — Платон Сергеевич, вы ведь понимаете ситуацию. Векселя не ждут оттепели и приятной обстановки. Срок истекает. Либо свадьба в январе, ли-

бо к февралю вы будете искать жилье на окраинах, а ваша типография отойдет мне за бесценок. Это мой ультиматум.

Он встал, поправил манжеты и посмотрел на меня. В его взгляде теперь было не только вожеление. Лев понял, что перед ним, если не достойный противник, то прекрасная, сильная жертва, которая не сдастся в первую минуту, а заставит его размяться, разогреть кровь, почувствовать себя охотником в полной мере. Я сама ошиблась в тактике. Стоило разыграть чахоточную и припадочную, склонную к болезням и депрессии инфанту, и тогда, возможно, ссылаясь на здоровье, оттягивала бы на нужное время эту чертову свадьбу. Сама виновата!

— Даю вам неделю на осознание неизбежного счастья рядом со мной, дорогая Елизавета, — бросил он с уверенностью, поклонился отцу и вышел, не прощаясь. В столовой воцарилась тишина.

Отец закрыл лицо руками. Я понимала, что он сейчас чувствует: бессилие свое и унижение за то, что не может обезопасить нас всех. И я его совсем не винила.

— Папенька, вы не отчаивайтесь. Есть у меня кое-какие идеи. И если они окажутся утопическими, или не смогу их реализовать, то я соглашусь на брак. Не такой он уж и плохой человек, — чтобы подбодрить отца, соврала я. Несчастных нам в этом доме не нужно, и, если у меня есть хоть какие-то возможности успокоить близких, я это сделаю. Как делала всегда, потому что люди, которые нас любят, не заслуживают

боли.

Софья подвинулась гневно засопела мне в ухо. А я сидела и думала: «Неделя. Семь дней на то, чтобы запустить в этом городе репутационную революцию. Вызов принят, господин мануфактурщик».

Глава 5

Вечер опустился серой шерстяной шалью, пропитанной запахом печного дыма и волглого воздуха. Я допила свой остывший чай, который на вкус напоминал сено, и направилась в библиотеку. Настало время прощупать почву нашего семейного банкротства. Библиотека пахла старой бумагой и воском. В моем детстве так же пахла сельская библиотека, в которой я проводила с мамой почти каждый вечер. Было там что-то волшебное, будто впитывая этот запах, ты начинаешь понимать скрытое.

Я постояла несколько минут незамеченной, закрыв глаза и словно проживая еще раз счастливые минуты детства. Потом прикусила губу, чтобы вернуться в реальность, которая больше походила на сон.

Отец сидел в глубоком кресле, обложенный стопками газет, как инженер на гряде чертежей рухнувшего моста. В свете масляной лампы его лицо казалось высеченным из серого камня — каждая морщина глубиной с каньон. Он подпер голову руками, и, казалось, спит.

— Папа, не спишь? — я тихо подошла и заглянула через плечо. Он вздрогнул, но тут же мягко улыбнулся, протягивая мне пожелтевший лист.

— Вот, Лизанька. Смотри. Это наш первый выпуск.

Шестьдесят второй год. Какой шрифт, какой набор! Я тогда верил, что мы станем голосом совести Петербурга. Мы освещали открытия, трезвонили о самых ожидаемых в столице балах...

Я взяла в руки «Светский Петербург». С точки зрения современного пиарщика — это была катастрофа. Верстка «вырви глаз», колонки текста длиной с Транссибирскую магистраль и ни одного заголовка, способного заставить читателя хотя бы проснуться, не то, что купить номер.

Но я смотрела на человека, который стал мне отцом, и чувствовала странный укол в груди. Он горел этим. Он был профессионалом-фанатиком, из тех, кто готов сдохнуть на рабочем месте, лишь бы шрифт ложился ровно. Я ведь и сама такая. В той жизни мой телефон не умолкал даже в душе, а стратегия продвижения захудалого бренда была для меня важнее личной жизни, которой, собственно, и не было. Семья? Дети? На эти темы я наложила вето еще в тридцать. Работа была моей единственной истинной религией.

И сейчас, глядя на Платона Сергеевича, я видела свое отражение, только почти три столетия назад, в мужском варианте и с бакенбардами.

— Красиво, пап, — я искренне коснулась его плеча. — Но красотой долги не закроешь. Давай по фактам: сколько мы должны Столпянскому?

Отец поник. Долго откашливался, и я знала, что так он глушит слезы. Но я молча ждала несколько минут, не мешая

ему собраться.

— Всё, Лиза. Почти всё. Долг огромен. Если я отдам долю в типографии, это покрывает только проценты. Нам придется продать дом, дачу в Павловске... Коко останется без наследства, а ты... — он запнулся. — Контракт со Столпянским истекает в середине января. До января я должен вернуть как минимум шестьдесят процентов суммы. Остальные сорок можно протянуть по договору до апреля. Иначе — опись имущества и... долговая тюрьма.

— Четыре месяца, — я прикинула в уме. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. — Отец, давай сделку. Ты даешь мне карт-бланш на управление газетой и типографией. На эти четыре месяца. Если к середине января газета не выйдет в плюс, и мы не закроем эти чертовы шестьдесят процентов — я выйду за Аркадия Викторовича. Сама. Без истерик.

Отец посмотрел на меня как на умалишенную.

— Лиза, ты бредишь? Ты — барышня, выпускница пансиона! О каком управлении...

— Пап, — я перебила его своим фирменным «директорским» тоном, от которого у моих сотрудников в Москве подгибались колени. — Хуже уже не будет. Либо я спасаю семью, либо иду под венец исполнять роль трофея. Но иду уже с пониманием, и выбрав этот путь сама. Дай мне шанс.

Он долго молчал, глядя на догорающую свечу, а потом просто махнул рукой — то ли от отчаяния, то ли от проблеска надежды.

— Хорошо. Делай что хочешь. Всё равно мне погибать. Только вот, и Столпянский должен согласиться на твое пребывание в типографии, милая! Он хоть и не понимает в деле ни черта, и газета ему нужна исключительно для того, чтобы продвигать свою мануфактуру, но все же!

— Нет, папенька. Погибших в этой войне не будет. По крайней мере с нашей стороны! А сама решу вопрос с этим павианом, будь спокоен. Сейчас от тебя мне требуется профессиональная поддержка. Скажи, а сотрудники типографии... они ближе к тебе, или к тому, кто им платит?

— Думаю, ты сама ответила на свой вопрос. Я даже не подозревал, что моя дочь обладает таким складом ума! — он обернулся, и посмотрел на меня так, словно заговорил книжный шкаф.

— Ну пара человек, которым можно доверять?

— Скорее, есть пара, которой вовсе нельзя довериться, дорогая моя, — грустно ответил отец.

Я вылетела из библиотеки и направилась в малую гостиную, где Коко меланхолично терзал струны гитары.

— Сдвинься, — я плюхнулась рядом. — Значит так, отдел новостей. Слушай задачу. Я беру газету на себя. Но официально я просто «помогаю папеньке с корректурой». На самом деле мы будем заниматься восстановлением репутации. Коко выронил медиатор.

— Чем? Лиза, ты что? Какая репутация?

— Дорогая, мой наивный брат. В этом городе куча лю-

дей с деньгами и подмоченным именем. Кого-то застали с чужой женой, кто-то проиграл казенные деньги, кто-то просто неудачно чихнул на балу у Великого князя. Мы будем предлагать им пакет услуг: статья в «Светском Петербурге», правильно поданные слухи через твоих друзей-повес и вуаля — человек снова рукопожатен. И за это они будут платить золотом.

Коко смотрел на меня очумевшими глазами.

— Так вот зачем ты про сплетни спрашивала... Ты... ты гений или дьявол, Лиза?

— Я пиар... я человек, поставленный на край обрыва, Коко. Это нечто среднее, между гением и демоном. И хорошо бы тебе тоже научиться кусаться, или хоть крепко держаться зубами за эту жизнь.

Уже в своей комнате я приказала испуганной Марфетке:

— Завтра утром отправишь записку Столпянскому.

Написала сама: «Елизавета Платовна ждет вас завтра в половине первого в типографии».

— Ой, барышня! Прямо в типографию? Одни? — Марфа задрожала, как осиновый лист.

— Не ори. Пойду с конвоем! С Софьей. Она у нас опытный надзиратель. Работай давай.

Утром я собиралась как на битву при Ватерлоо. Корсет затянули так, что мой голос приобрел приятную хрипотцу роковой женщины. Платье выбрала серое, строгое, но с таким кроем, который подчеркивал, что я хоть и «тонкая как

тростинка», но внутри у меня титановый стержень.

Я решила: раз Аркадию нравятся дерзкие штучки, он получит их сполна. Никакой кротости.

Софья всю дорогу в экипаже зудела над ухом, как надоедливый комар. — Лиза, это неприлично! Женщина в типографии! Ты ведешь себя как... как эмансипированная особа! Папенька расстроится! Ты должна быть кроткой, если хочешь, чтобы он смягчился... Я терпела ровно пять минут.

— Софья, а ты ведешь себя, как комар без носа. Жужжишь над ухом, а укусить не можешь, закрой рот, — спокойно сказала я, глядя в окно на проплывающий мимо Невский. — Давай по фактам. Если я не выкручусь, папа разорится. Если он разорится — дома не будет. Мой муж — если я выйду за Столпянского — не обязан тебя кормить и одевать. Ты пойдешь на улицу или в гувернантки к купцам первой гильдии, где тебя заставят учить их недоумков французскому за медные гроши. Тебе оно надо?

Софья подавилась воздухом и икнула.

— В твоих интересах, — продолжала я, — чтобы я замуж НЕ вышла. Чтобы папа остался при деньгах. Так что либо ты играешь за мою команду и изображаешь верную тень, либо проваливай прямо сейчас.

— Лиза... — она смотрела на меня с неподдельным ужасом и... уважением. — Откуда в тебе это?

Софья побледнела. Кажется, до этой «умницы» только сейчас дошел элементарный расклад сил.

— А до самой не доходило? — я усмехнулась. — Или тебе минимальные блага, типа овсянки и пары платьев в год, глаза застили? Включай голову, Соня. Мир меняется. Мы едем на войну за наше будущее.

Я отвернулась к окну. Петербург был прекрасен в своем мрачном величии. Кареты, стук копыт по брусчатке, крики разносчиков... Я видела историю вживую. И внутри меня разгорался такой азарт, какого я не чувствовала со времен своего первого миллионного контракта.

Пока Софья, обалдевшая от моего делового инсайда, переваривала услышанное, я прильнула к окну. Город пронёсился мимо — величественный, строгий, полный тайн. Я чувствовала, как внутри меня закипает азарт. Репутация — это валюта, которая не обесценится ни при каком царе. И я собиралась стать главным банкиром в этом городе.

«Ну, Аркадий Викторович, — подумала я, поправляя перчатку. — Готовьтесь. Сейчас мы будем обсуждать не кружева, а бизнес».

Глава 6

Сентябрьское солнце светило ярко, но в тенях зданий уже притаился колючий холод Балтики, предвещающий скорые заморозки. Наша карета остановилась в районе Обуховского проспекта. Улица была забита лотками разносчиков, выкрикивающих цены на сбитень и калачи, а воздух пропитался густым коктейлем из запаха конского навоза, речной тины и... типографской краски.

Здание типографии — массивное, трехэтажное, из темного кирпича — смотрелось как суровый надзиратель среди жилых доходных домов. Напротив располагалась лавка колониальных товаров, откуда тянуло пряным ароматом кофе, и булочная, у которой толпились чиновники мелкого пошиба в потертых шинелях. Это меня порадовало, поскольку выпечка и кофе для трудоголиков — основные ингредиенты поддержки жизненных сил.

Люди сновали мимо, сливаясь в пеструю массу: серые сюртуки, яркие платки кухарок, суетливые мальчишки-газетчики.

Аркадий Викторович Столпянский ждал нас на крыльце. Боже, если бы в моем веке он зашел в агентство, я бы продала его лицо любому бренду мужского парфюма за миллионы. Высокий, жилистый, с хищным разворотом плеч и взглядом

человека, который привык брать города без боя. Он не был «сладким» красавцем — в его облике сквозила опасная, животная сила. Отец на его фоне выглядел как хрупкий фарфоровый сервиз рядом с чугунным ядром.

Я вышла из кареты, намеренно не торопясь. Медленно оправила юбки, поправила крошечную шляпку и принялась изучать фасад здания с таким видом, будто оценивала его рыночную стоимость в биткоидах. Софья, стоявшая рядом, едва заметно вздрагивала. Она смотрела на меня с нескрываемым ужасом: приличная барышня должна была сразу же потупить взор и присесть в реверансе, а я стояла, заложив руки за спину (насколько позволял корсет), и шурилась на кирпичную кладку.

Столпянский молчал. Он не бросился рассыпаться в комплиментах. Он просто наблюдал. Его молчание было тяжелым, как пресс, но я выдерживала паузу. В пиаре побеждает тот, кто первый заговорит по делу, а не тот, кто громче крикнет.

— Дивные сегодня погоды, Аркадий Викторович, — наконец произнесла я, слегка повернув голову.

— Надолго ли? Петербург — дама капризная. Давайте пройдемся? Мостовая здесь, конечно, оставляет желать лучшего, но воздух... бодрит. — Он едва заметно усмехнулся — одними уголками губ, и подставил мне локоть.

Я сухо поблагодарила и оперлась на него. Рука у него была как стальной рельс. Когда мы пошли вдоль улицы, я почув-

ствовала, как он внутренне подобрался. Шел он уверенно, по-хозяйски прижимая мою руку к своему боку. Я буквально физически ощущала, как из него исходит флюид собственности: «Моё. Куплено. Оплачено».

Я резко остановилась и высвободила руку, делая вид, что хочу получше рассмотреть вывеску напротив. Софья тут же притормозила в паре шагов, нервно терзая кружевной платочек.

— Аркадий Викторович, я тут подумала... — начала я, глядя ему прямо в глаза. — Папенька в порыве чувств разрешил мне немного поиграться в дела. Женская прихоть, знаете ли. Хочу понимать, как рождается газета.

Столпянский замер. Секундная тишина — и вдруг он закинул голову и расхохотался. Это был громкий, искренний смех человека, который услышал прелестную глупость.

— Поиграться? Лизанька, вы прелесть. Типография — это грязь, свинец и пот, а не салонные бирюльки.

— И всё же, — я не улыбнулась. — Будьте любезны, представьте меня сотрудникам. Как нового редактора. Совладельца, так сказать, в юбке.

Смех оборвался. Он прищурился, изучая моё лицо, словно искал трещину в маске. Моя наглость его не разозлила — она его раззадорила. О да, я знала этот тип мужчин: им быстро приедаются покорные овечки, им нужен вызов, чтобы было кого ломать под себя.

— Ну что ж, извольте, — произнес он с опасной вежли-

востью. — Пойдемте, посмотрим на ваши новые «игрушки».

Внутри типографии пахло так, что у нормальной барышни тысяча восемьсот пятидесятого года случился бы мигренозный приступ. Скрежет станков, гул, запахи олифы и гари. Мы прошли в печатный цех. Здесь стояли огромные машины Кенига и Бауэра — чудовища из железа и пара, которые ритмично выплевывали листы бумаги.

Наборщики — люди с серыми, вымазанными в свинцовой пыли лицами и натруженными руками — работали молча и быстро. Столпянский хлопнул в ладоши, перекрывая гул станков.

— Слушать всем! — рявкнул он. Коротко и доходчиво. — С сегодняшнего дня Елизавета Платоновна будет проводить здесь времени больше, чем положено девице. Она... хм... изволит интересоваться редакционными делами. Распоряжения исполнять, глупых вопросов не задавать.

Сотрудники замерли. Пожилой мастер в кожаном фартуке поправил очки и посмотрел на меня с таким выражением, будто я была инопланетным кораблем, приземлившимся посреди его цеха. Наборщики переглянулись, но под тяжелым взглядом Столпянского быстро уткнулись в кассы.

— Я ни черта не смыслю в буквах, — Столпянский повернулся ко мне, понизив голос до интимного полусшепота. — Но как совладелец, я готов передать узды правления в эти... девичьи ручки. Разумеется, под присмотром вашего батюшки. Развлекайтесь, Лиза. Но помните: в январе игрушки кон-

чатся.

Когда мы вышли обратно на свежий воздух к карете, я решила закрепить результат.

— Аркадий Викторович, раз уж я теперь «деловая женщина», — я выделила это слово ироничным тоном, — нам стоит немного оттянуть вопрос о венчании. Думаю, зима — идеальное время. Снег, белое полотно... новая жизнь. А пока я хочу вникнуть в дела. Ведь в будущем, когда мы будем сидеть у камина, я бы хотела обсуждать с вами не только фасыны шляпок, но и ваши успехи в делах.

Столпянский резко подошел ближе. Я увидела, как на его скулах заходили желваки. Атмосфера мгновенно накалилась. Внутри меня боролись ненависть и интерес, потому что именно такие мужчины были интересны мне, как враги: они были мне ровней. И я не сомневалась, что он видит этот мой заинтересованный, хоть и спрятанный за приличием взгляд. Что он думал обо мне я даже боялась представить.

— Думаю, Лиза, вечерами мы будем заниматься чем-то совсем иным, — его голос стал надтреснутым, густым, от него по спине пробежал холодок, который никак не был связан с погодой. Грудь его вздымалась, как меха, и появилось что-то в воздухе между нами, напоминающее запах перед грозой.

Софья громко и демонстративно закашлялась, краснея до корней волос. Тема беседы явно вышла за рамки приличий.

— До встречи, Аркадий Викторович, — отрезала я и

шагнула в карету. Когда лошади тронулись, я услышала его негромкий, но отчетливый голос вслед:

— Всё равно ты будешь моей, Лиза. Как бы ты ни оттягивала время. Но знай — каждым таким жестом ты только больше разжигаешь мой аппетит, птичка.

Софья тоже слышала его слова. К моему счастью! В карете повисла тяжелая тишина. И через пару минут она уже кипела, как самовар:

— Это... это неслыханно! — взорвалась она. — Как он смеет так говорить? Как ты позволила ему... эти намеки! Лиза, ты понимаешь, что он за человек? Он же хищник! Он тебя в порошок сотрет!

Я откинулась на кожаное сиденье, глядя в окно на проплывающие мимо доходные дома с их бесконечными окнами и тайнами. До меня доходило: этот мужчина не просто хочет жену, он хочет победу. Счастья с ним не будет. Он не партнер, он диктатор. Если я проиграю, он закроет меня в золотой клетке и будет наслаждаться моим сопротивлением до тех пор, пока я не сломаюсь. И это придало мне сил. Внутри зажегся тот самый холодный азарт, который помогал мне выигрывать самые гиблые тендеры.

— Софья, успокойся, — спокойно произнесла я. — Теперь ты понимаешь, о чем я говорила вчера?

Софья вдруг затихла. Она посмотрела на меня долгим, непривычно трезвым взглядом. Все её жеманство и правильность куда-то испарились.

— Да, — прошептала она. — Теперь понимаю. Тебе нельзя быть его женой. Он... он страшен, Лиза. Раньше я видела только его состояние и манеры, а сегодня... сегодня я увидела его зубы.

Я усмехнулась.

— Наконец-то ты прозрела. Или наша вчерашняя беседа только-только дошла до твоего сознания? Решила все риски взвесить?

— Не обижай меня недоверием, — Софья покачала головой, и в её глазах блеснули слезы. — И не обвиняй в том, что я ищу только выгоду. Да, я боялась остаться ни с чем. Но сегодня я посмотрела на него твоими глазами... и мне стало по-настоящему страшно за тебя.

Я вздохнула и взяла её за руку.

— Вот и отлично. Значит, теперь мы в одной лодке. Нам нужно спасти газету. Это наш единственный шанс на свободу.

Софья молчала, переваривая услышанное, а я прильнула к окну. Петербург середины девятнадцатого века проносился мимо. Я видела кареты, слышала крики торговцев и чувствовала, как во мне растёт новая Елизавета. Та, что больше не будет рохлей. Та, что заставит этот чопорный город играть по своим правилам. У меня есть четыре месяца. И бог свидетель — я устрою Столпянскому такой эмоциональный террор, что он сам запросит пощады!

Глава 7

Очередной день моей жизни начался с того, что я чуть не придушила Марфутку. Причина была проста: в этом чертовом темном времени «быстро собраться и выбежать по делам» — это квест, сравнимый с подготовкой ракеты к запуску на Байконуре.

Пока меня затягивали, шнуровали, припудривали и навешивали на меня слои шелка и жесткого кринолина, я успела в уме составить три контент-плана и один антикризисный манифест. За завтраком атмосфера напоминала посиделки в холодильнике. Софья ела свой блинчик с таким видом, будто это была подошва старого сапога, а Коко, мой бесценный поставщик сплетен, подозрительно косился на мой дорожный костюм глубокого изумрудного цвета.

— Лиза, ты снова куда-то намылилась? — пробормотал он, отправляя в рот кусок ветчины. — Отец вчера весь вечер сидел сам не свой. Он, кажется, всерьез поверил, что ты в типографии наведешь порядок. Хотя я бы на его месте ставил на то, что ты просто хочешь перекрасить стены в розовый.

Мне нравился его запал, нравилось это подтрунивание друг над другом. Это то, чего мне искренне недоставало, когда погиб мой настоящий брат. Наверное, именно поэтому я умилялась, находясь рядом с Коко, представляя, что на его

месте сейчас мой Алексей.

Семья значила для меня много, но лишь та ее форма, которую я знала: я дочь, сестра, сначала в какой-то мере, а потом и полностью — добытчик. И эта знакомая мне модель давала сил. Как только я представляла себя матерью семейства, женой хозяина дома, или доброй и заботливой бабушкой, мне плохо — казалось, я лезу в совершенно незнакомое мне пространство, занимаю чужое место. Я считала себя самозванкой, даже когда представляла себя невестой.

Одарив Николая взглядом императрицы, снизошедшей до ответа холопу, я напомнила ему о том, что теперь и у него есть обязанности:

— Николай, если ты продолжишь упражняться в остроумии вместо того, чтобы отправиться сегодня в этот ваш «Клуб» и узнать, кто именно проиграл состояние в карты на прошлой неделе, я заставлю тебя переписывать колонку объявлений. Стены в типографии останутся кирпичными, а вот репутация нашей семьи скоро приобретет совершенно иной оттенок.

Отец, сидевший во главе стола, молча кивнул мне. В его глазах читалась смесь отчаяния и призрачной надежды. Он сдал мне ключи от своего мира, и я не собиралась возвращать их бесполезными.

— Софья, — обратилась я к подруге, — сегодня мы едем к мадам Жюли на Невский. Мне нужно обновить гардероб, — именно от Марфы я узнала кто шьет мне платья, и самое

главное — сколько они стоят.

Нет, одежда у меня была, но теперь я решила и сама заказать то, что хочу, и выйти в свет, чтобы посмотреть на этот «прайд» своими глазами. Мне нужно было хоть какое-то погружение в реальность, ведь сидя на диване ты точно не узнаешь, что в воздухе пахло горячим!

Софья икнула.

— Лиза! У нас долги, о которых знает уже половина города, а ты собралась заказывать новые платья? Это... это пир во время чумы!

— Это мои личные хотелки, дорогая, — я отставила чашку. — Мы не можем идти на войну в обносках. Нам нужно выглядеть так, будто мы только что купили этот город, а не заложили его Столпянскому. Собирайся.

Через сорок минут наша карета катила по булыжникам. Петербург в сентябре был суров: ветер с Невы норовил сорвать шляпку, а прохожие кутались в шинели. Ателье мадам Жюли располагалось в престижном месте, но, войдя внутрь, я сразу почувствовала — здесь пахнет не только дорогим парфюмом и французским шелком, но и деньгами.

В торговом зале было пусто. Пара манекенов в готовых платьях и еще пара в брошенных за работой, с недошитым подолом сиротливо стояли в углах. Из-за ширмы доносились приглушенные всхлипывания. Я жестом велела Софье остаться у входа и решительно отодвинула портьеру.

Мадам Жюли — статная женщина с идеальной осанкой

сидела на низком пуфике, закрыв лицо руками. На столе перед ней лежали закладные и книга, исписанная нервным почерком, в которой, видимо, велась бухгалтерия.

— Мадам, — мягко произнесла я, — я пришла заказать платье, но, кажется, мне стоит сначала заказать чаю для хозяйки.

Она вскинула голову. Глаза покраснели, тушь (или что они тут используют вместо неё) слегка размазалась по бледным щекам. Она узнала меня — Елизавета была её клиенткой с первого дня своего выхода.

— О, Елизавета Платоновна... Простите... Я... — она судорожно пыталась собрать бумаги со стола. — Дела... просто небольшое недомогание.

Я присела рядом, не дожидаясь приглашения. Окинула взглядом комнату: превосходные ткани, мастерски выполненные лекала, дорогая мебель. Но пыль на полках и отсутствие швей в соседней комнате говорили громче любых слов.

— Мадам Жюли, давайте без прелюдий. Я в этом бизнесе... скажем так, я вижу симптомы. У вас пустой зал, долги по аренде и, судя по вашему лицу, отсутствие заказов на ближайший месяц. Что случилось? Что пошло не так?

Женщина шмыгнула носом, пораженная моей прямоотой. Видимо, Лиза-прежняя так не разговаривала.

— Графиня Бельская... — прошептала модистка. — Она заказала платье к последнему балу. Я работала три недели, выписала кружево из Брюсселя. А на балу... она порвала по-

дол. А на следующий день, когда я отказалась признать свою вину, во всеуслышание заявила, что моя работа — «дешевка, которая разваливается на ходу». Теперь, вот уже пару месяцев, ко мне никто не идет. Все боятся гнева графини и её длинного языка. Это конец, Лизавета Платоновна. Через неделю здесь будет лавка старьевщика.

Я улыбнулась. Это был классический кейс черного пиара. Графиня — лидер мнений, модистка — жертва хейта. Нужно было просто перевернуть доску.

— Значит так, Жюли. Вы сейчас вытираете слезы и слушаете внимательно. У меня есть газета. У вас есть талант и, я уверена, то самое «испорченное» платье Бельской. Оно ведь у вас?

— Да... она прислала его назад с лакеем, отказавшись платить, — Жюли вытащила из кучи тряпок изумительное творение из пудрового атласа с разорванным боком.

Я осмотрела разрыв. Опытный глаз видел: это не нитки разошлись. Ткань была вспорота чем-то острым — кольцом или кинжалом, умышленно. Значит, графиня не так уж и богата, или чувствует возбуждение и азарт в момент, когда хоть немного играет в жизнь...

— О-о, это не небрежность, это диверсия, — констатировала я. — Жюли, вы хотите не просто выжить, а стать самой желанной модисткой сезона?

— Я... я не понимаю.

— Слушайте. Мы сделаем следующее. В завтрашнем но-

мере «Светского Петербурга» выйдет статья. Но не о ваших платьях. А о «Загадке разорванного атласа». Мы напишем, что платьё графини было настолько великолепно, что вызвало приступ черной зависти у её главной конкурентки — назовем ее Икс. И что эта дама, не выдержав сравнения, умышленно повредила наряд во время мазурки.

Жюли смотрела на меня, открыв рот.

— Но... это же ложь?

— Это интерпретация событий, дорогая. Мы сделаем акцент на том, что ваше мастерство настолько высоко, что платья от мадам Жюли становятся причиной светских дуэлей и интриг. Мы назовем этот стиль «Опасная роскошь». Я пришлю к вам своего брата, Коко, якобы для пошива шарфа, и он пустит слух в клубах, что у Бельской есть завистница, и никто не знает почему между ними такая ненависть. То ли она любовница ее супруга, то ли сама не смогла заказать наряд у тебя, поскольку шила ты для Бельской саморучно, и не могла отвлечься на второе платье.

Я встала и подошла к зеркалу.

— А завтра вечером я поеду в театр в вашем лучшем платье. И Софья тоже. Мы будем живой рекламой. В газете же появится купон — «Только для тех, кто не боится зависти». Бесплатная консультация от мадам Жюли по созданию «неповторимого образа». Мы превратим ваш скандал в элитарность.

Модистка смотрела на меня так, будто я только что пре-

вратила воду в вино. Она вдруг выпрямилась.

— Сколько вы хотите за это, Елизавета Платоновна?

— Пятьдесят процентов от прибыли с новых заказов в течение месяца, — отрезала я. — И два платья для меня и Софьи прямо сейчас. Бесплатно. Нам нужно выглядеть сногшибательно для первого выхода нашего обновленного издания.

Когда мы вышли из ателье, Софья, всё это время подслушивавшая за занавеской, выглядела так, будто её ударило током.

— Лиза... ты... ты же просто выдумала историю с завистницей!

— Соня, запомни: факты — это скучно. Люди покупают не платье, они покупают историю, статус и желание быть лучше соседа. Бельская хотела уничтожить Жюли? Отлично, она просто подарила нам инфоповод. Теперь полгорода захочет проверить — действительно ли эти платья так хороши, что из-за них рвут атлас.

Я села в карету, чувствуя прилив адреналина. Первый кейс был запущен. Теперь оставалось только надеяться, что Коко не завалит свою партию «отдела сбора и распространения слухов».

— Домой, — велела я кучеру. — Завтра у нас великий день. Мы начинаем печатать правду, которая выгодна нам.

В глубине души я знала: Столпянский будет в ярости, когда поймет, что его «птичка» вместо того, чтобы вить гнездо,

начала строить медиаимперию. Хорошо, что он не интересуется газетой. А новость в колонке мы представим как заказную. И денег, что отец выделил мне на платье вполне хватит, чтобы ее заказать. Комар носу не поточит – все будет шито и крыто. В общем, как всегда!

Пока женщины были лишь украшением гостиных, но не подозревали, что каждая из них может быть главной героиней. Я же собиралась стать режиссером этого Шапито!

Глава 8

С чего я начала свою деятельность, так это с официального объявления войны высокопарному слогу и дворянской скуке. Если продолжать выпускать «Светский Петербург» в том виде, в каком его лелеял папенька, то к январю на его страницах можно будет разве что выращивать мох или заворачивать в них селедку на Сенном рынке.

Утро моего первого рабочего дня выдалось на редкость паскудным: мелкая изморось сеялась с серого неба, превращая петербургский гранит в каток, а мои мысли — в колючий комок из дедлайнов и стратегий. За завтраком атмосфера напоминала поминки. Софья демонстративно громко размешивала сахар в чашке, а Коко, мой бесценный «отдел полевых исследований», пытался разлепить веки после очередного ночного рейда по злачным местам.

— Папенька, — я отставила в сторону нетронутую кашу, которая надоела за мое короткое пребывание здесь до чертиков. — С сегодняшнего номера я забираю себе две полосы. Ту, что с «Некрологами и Постной пищей», и ту, где вы печатаете переводы сонетов Ронсара.

Платон Сергеевич, собиравшийся откусить кусок калача, замер. Калач сиротливо повис в воздухе.

— Лизанька, душа моя... Но некрологи — это же костяк

газеты! Это стабильность! А сонеты... это же изящество, это дух просвещения! Кто мы без Ронсара?

— Мы — банкроты без пяти минут, папа, — отрезала я, стараясь, чтобы мой голос звучал не как приговор, а как руководство к действию. — Ронсар не платит по счетам Столпянского. А некрологи... ну, те, кому они посвящены, всё равно их не купят. Мне нужны эти полосы под «Письма благодарных читателей» и «Городские происшествия».

— Но у нас нет писем читателей, — подала голос Софья, прищурившись. — Нам пишут только с жалобами на опечатки в церковном календаре.

— Будут, Сонечка. Будут таки-ие письма, что Петербург начнет скупать тираж еще до того, как краска высохнет.

Я не стала уточнять, что «читателей» я буду генерировать сама, сидя по ночам в библиотеке с гусиным пером наперевес. В моем веке это называлось нативной рекламой и созданием управляемого инфопова. Здесь же это выглядело как форменное безумие, но у меня не было времени на объяснение теории коммуникаций.

Через час я уже входила в здание типографии. Естественно, с Софьей. Запах свинца, подогретого масла и старой бумаги ударил в нос, вызвав странный прилив энергии — так пахнет настоящий бизнес, без вай-фая, но со вкусом крови и пота. Семь типичных представителей печатного дела середины XIX века — мужики в засаленных фартуках, с черными от графита руками — смотрели на меня как на экзотиче-

скую птицу, случайно залетевшую в кузницу.

Старший наборщик, Фомич — человек-гора с бородой, в которой, кажется, можно было спрятать пару запасных литер и чекушку водки, — демонстративно сплюнул в опилки.

— Барышня Елизавета Платоновна... Вы бы шли... того... вон в кондитерскую на углу. Тут дело мужское, грубое. Марашки, шпации, пресс тяжелый. Неровен час, кружева в механизм затянет — и поминай как звали.

Я подошла к нему вплотную. Мой корсет скрипнул, как мачта фрегата «Паллада» в десятибалльный шторм, но я не отвела взгляда. Я знала этот тип мужчин: они уважают только силу и тех, кто понимает в их «железе».

— Фомич, — я понизила голос до доверительного, но стального регистра. — Кружева я поберегу. А вот ты побереги свои руки. Потому что если через четыре месяца наше заведение закроет Столпянский, ты пойдешь милостыню просить у Казанского собора. Или думаешь, Аркадию Викторовичу нужны твои услуги? Ему нужна земля под этим зданием и наши долги. Мужики притихли. Аргумент про безработицу в пятидесятом году, о котором утром рассуждали отец с Софьей работал так же безотказно, как и в любом другом веке.

— Слушать мою команду, — я обвела их взглядом. — С сегодняшнего дня мы меняем сетку. Кегль в основных заголовках — увеличить вдвое. Чтобы буквы кричали! Между колонками — больше пространства, не лепите текст как

кильки в бочке. И самое главное: заголовок первой полосы должен быть таким, чтобы извозчик на козлах выронил вожжи от любопытства.

— Так неприлично же, барышня... — пробормотал один из подмастерьев. — Мы же «Светский Петербург», а не листок для кухарок.

— Прилично будет, когда у нас в карманах будет звенеть золото, а не дыры, — отрезала я. — Работаем!

Первым моим «проектом» было спасение мадам Жюли. Я знала: прямая реклама в этом чопорном обществе — это моветон. Нужно было действовать тоньше, бить по самым чувствительным точкам светских львиц: по зависти и страху оказаться «не в тренде». Вернувшись в редакцию, я выгнала всех и заперлась. Передо мной лежал чистый лист бумаги и чернильница. Я закрыла глаза, вызывая в памяти приемы из своей практики. Нативная реклама — это искусство рассказать историю так, чтобы человек захотел купить, думая, что это его собственная идея.

«Милостивый государь редактор! — начала я, ломая привычный каллиграфический почерк на изящную, чуть небрежную женскую вязь. — Спешу поделиться своим негодованием, коего не в силах более сдерживать. Была я вчера на рауте у княгини О., и представьте мой ужас: три — подчеркиваю, три! — высокопоставленные дамы явились в абсолютно идентичных платьях от известной мастерской, что на Большой Морской! О, какой конфуз, какой удар по само-

люблю! Все они выглядели как почетный караул в одинаковых мундирах. Какое счастье, что я, по совету моей confidentки, обратилась в ателье мадам Жюли, чей крой и парижские секреты позволяют мне оставаться единственной в своем роде...»

Я перечитала. Неплохо. Немного яда, капля превосходства — идеальный коктейль для сплетни. Второе письмо я написала от лица «анонимного кавалера»: «Видел вчера ангела в изумрудном бархате на прогулке у Летнего сада. Сердце мое замерло. Узнал через доверенных лиц, что такой невероятный лиф, подчеркивающий все достоинства фигуры, шьют только у некоей мадам Жюли. Теперь не сплю, ищу обладательницу этого платья...»

— Гениально, Лиза, — прошептала я сама себе. — Ты создаешь дефицит и эксклюзивность там, где еще вчера была пыль и слезы. Но эти объявления появятся чуть позже, через день или пару дней после основного «блюда». Начнем мы с нашей выдуманной истории.

И я принялась описывать ситуацию, сложившуюся на балу с Бельской от некоей мадам Х, от которой и было, якобы, получено письмо. В итоге получилось, что графиня приврала о качестве работы Жюли, и тем самым попыталась скрыть конфуз с этой самой Х. Я знала, что эта новость, если ее увидят женщины, всколыхнет весь бабий цвет Петербурга. Для меня — это первый заработок и внимание к газете, для модистки — восстановление репутации, или как принято здесь

было говорить: реноме!

А еще я знала, что нам стоит на днях встречать тут эту самую Бельскую, грозящую, что пух и перья полетят от нашей газеты. И к этому я была тоже готова. Даже надеялась, что она не задержится на долго.

Нужен был «крючок» на первой полосе. Нечто такое, что заставит мужскую часть населения — тех, кто реально держит кошельки, — выхватывать номер из рук газетчиков. Я вспомнила вчерашнюю болтовню Коко.

Граф Х. проиграл в карты не просто деньги, а фамильный перстень с алмазом, который, по слухам, принадлежал еще фаворитам Екатерины. В свете об этом шептались, но открыто писать? Во времена, в которые мне приходится начинать вторую жизнь, пресса выглядела вежливой и скучной, как проповедь в сельском приходе.

— Фомич! — крикнула я, выбегая в цех. — Ставь в набор аршинными буквами: «ТАЙНА ИСЧЕЗНУВШЕГО АЛМАЗА ГРАФА Х.: КАРТОЧНЫЙ ДОЛГ ИЛИ ЛЮБОВНАЯ ДРАМА?»

Фомич перекрестился.

— Барышня, да нас же сотрут в порошок! Граф — человек влиятельный!

— Не сотрут, — я хищно улыбнулась. — Мы же не утверждаем. Мы спрашиваем.

«Тайный информированный источник сообщил нашей редакции...» — это универсальная формула бессмертия для

журналиста.

Параллельно с этим я начала перестраивать логику. В типографии царил хаос: одни и те же люди то мешали краску, то развозили тираж.

— Так, ты, — я ткнула пальцем в самого шустрого мальчишку-рассыльного. — Твоя задача теперь не просто стоять на углу. Ты должен вбегать в кофейни и кричать: «Ох, что делается! Про графа Х. всё написали!». Создавай ажиотаж. Понял? За каждый проданный сверх нормы экземпляр — копейка сверх.

Мальчишка просиял и прекрасно понял, что теперь «волка кормят ноги». Система мотивации, господа, работает в любые времена. Вечером, когда я, совершенно измотанная, вернулась домой, Софья вошла следом и упала на диван.

— Лиза, так жить — очень странно. Мы пропадем в этой... саже. Пахнем не цветами, а гарью. Отец в восторге, но он не понимает, что ты ломаешь все приличия. Что скажет Столпянский, когда узнает, что его невеста командует мужиками в типографии?

Я устало опустилась в кресло и начала расшнуровывать ботинки, наплевав на этикет. Пятки гудели.

— Соня, во-первых, мне плевать, что он скажет, а во-вторых, Столпянский любит победу. А моя работа — это и есть победа. А что касается запаха гари... Это запах перемен, дорогая. Привыкай. Скоро мадам Жюли пришлет тебе новое платье. И поверь, ты будешь носить его с гордостью, потому

что половина Петербурга будет кусать локти от зависти.

На следующее утро вышел первый «обновленный» номер. Я стояла у окна в типографии, наблюдая, как первые экземпляры расходятся по рукам. Сердце колотилось в ритме печатного пресса. Через пару часов, когда мы с Софьей приехали домой на обед, в передней раздался шум.

Мадам Жюли не пришла — она прилетела. Она была так возбуждена, что забыла про свой французский прононс.

— Лизавета Платоновна! Боже мой! У меня в дверях очередь! Три кареты! Дамы шепчутся об этом письме в «Светском Петербурге»! Они требуют «то самое платье»!

— Верите мне, мадам? — с Ильичёвским прищуром спросила я.

— Верю! — выпалила модистка и судя по выражению лица, вот-вот готова была бухнуться мне в ноги и целовать обувь.

— Поднимайте цены, мадам, в два раза поднимайте!

Я улыбнулась, глядя, как Софья медленно откладывает свое шитье. Первый кейс был закрыт. Но я знала: это только начало. Теперь я ожидала в гости ту самую графиню, испортившую платье.

Столпянский еще не понимал, какого зверя он разбудил в своей тихой невесте, а Петербург еще не знал, что одна из самых неприметных Петербургских газет скоро станет самой читаемой в девичьих руках.

— Ну что, Коко? — спросила я зашедшего в комнату бра-

та. — Кто там сегодня в клубе самый обсуждаемый персонаж?

— Графиня, о которой ты написала и, конечно, граф с его алмазом, — Коко смотрел на меня с нескрываемым восхищением и опаской. — Все говорят, что этой осенью в обществе, по всей видимости, происходит нечто совершенно новое. Но граф Х. в ярости. Он требует встречи с редактором.

— Прекрасно, — я поправила прическу перед зеркалом. — Значит, тираж продан. Назначь ему встречу на завтра. Скажи, что редактор занят — он принимает новых клиентов.

Я понимала, что иду по тонкому льду. Четыре месяца до января. Долг в шестьдесят процентов. И целый город, который я собиралась влюбить в свои скандалы, чтобы спасти свою свободу. Корсет всё ещё давил, но я уже научилась дышать в нем полной грудью.

Глава 9

Очередное утро моей новой петербургской жизни началась с грохота, который мог бы разбудить даже вечного жильца Петропавловской крепости. Бельская оправдала мои самые смелые ожидания профессионального пиарщика: она явилась в контору до десяти утра, когда туман еще лениво лизал булыжники Обуховского проспекта.

Крик на первом этаже легко перекрывал мерный гул печатных станков. Мои ребята-наборщики работали всю ночь, увеличивая тираж — впервые за последние десять лет издание вибрировало от реальной жизни, а не от сквозняков.

Слава богу, я догадалась с вечера проинструктировать Николая. Мой бесценный Коко получил задание: занять отца дома любой ценой. Свежие сплетни о закупке новых лошадей в императорские конюшни или обсуждение тонкостей последней охоты — мне было плевать, на что он купит внимание Платона Сергеевича, лишь бы тот не видел этого левиафана в кринолине раньше времени. Мой папа был слишком хрупким для таких «производственных конфликтов».

Скандалы — это топливо для газеты, но для нежного сердца моего отца они были чистым ядом. Графиня Татьяна Борисовна Бельская была великолепна в своем гневе. Представьте себе фурию в атласе цвета «испуганной нимфы», чьи

ноздри раздувались так энергично, что казалось, она сейчас всосет весь кислород в радиусе квартала.

— Где этот пасквилянт?! Где этот ирод, посмевавший напечатать про моё платье?! — ее голос вибрировал на высоких нотах, от которых в буфете жалобно звенела посуда.

Я спустилась по лестнице медленно, придерживая юбки, с лицом абсолютно безмятежным, как у оператора техподдержки, принимающего сотый звонок за час.

— Графиня, душа моя, тише, прошу вас. Вы же не хотите, чтобы рабочие подумали, будто эта нелепая статья задела вас за живое? — я лучезарно улыбнулась и сделала приглашающий жест в сторону своего кабинета.

Бельская ошарашенно уставилась на меня. Она явно ожидала увидеть перепуганного корректора в нарукавниках или старого редактора с извинениями, а не молодую девицу с манерами хозяйки салона.

— Лизавета Платоновна! — представилась я и она запнулась.

— Что вы здесь...

— В таком тонком деле, как женское платье и светская репутация, лучше общаться женщинам, не находите? — я мягко взяла ее под локоть, игнорируя попытку вырваться. — Папенька совершенно расстроен этим недоразумением и просил меня лично разобраться. Прошу, пройдемте.

Кабинет я подготовила заранее. По моему приказу из дома привезли тяжелое, обтянутое бархатом кресло — в казен-

ных стульях клиент чувствует себя просителем, а в домашнем кресле — инвестором. Бельская сначала было присела, но потом подскочила и минуты три продолжала топтать из угла в угол, шурша юбками, как рассерженная кобра.

— Выдать мне эту мадам Х! Немедленно! Кто посмел писать про прореху? Кто пустил этот слух про любовницу графа?! — она била сложенным веером по ладони, и я видела, что про модистку мадам Жюли она даже не вспомнила. Это был мой первый профессиональный триумф в XIX веке. В этом мире сословных границ люди даже представить себе не могли, что какая-то швея, которой задолжали пару сотен рублей, может организовать медиа-кампанию против целой графини. Для Бельской «мадам Х» была призрак из высшего общества, опасной соперницей, но никак не женщиной с иголкой и ниткой.

— Присядьте, Татьяна Борисовна. В ногах правды нет, а в гневе — логики, — я практически силой усадила ее в кресло. — Вы же понимаете, что люди уже не просто обсуждают ваше платье? В кофейнях и на раутах шепчутся, что мадам Х — это та самая фаворитка вашего мужа, которая решила таким образом заявить о своих правах на его внимание.

Бельская побледнела так резко, что я испугалась, не хватит ли её удар. Она наклонилась ко мне, и её глаза, еще минуту назад метавшие молнии, стали огромными и жалкими.

— Боже, Лизанька... Вот это самое страшное. Это же позор на весь Петербург! Муж клянется, что никакой Х не су-

ществует, но кто ж ему поверит после такой статьи? Что мне делать? Подскажите! — Она больше не собиралась качать права. В моем лице она увидела единственную соломинку в этом бушующем океане сплетен. Я внутренне потерла руки: рыбка на крючке.

— Нам нужно вступить в войну с этой мадам Х на её же поле, — я понизила голос до доверительного шепота. — Раз эта дама действует инкогнито, чтобы опорочить вас, мы просто изменим историю самого платья. Представим правду в таком свете, что мадам Х окажется жалкой лгуньей.

— Это как? — графиня прижала платок к губам.

— Давайте напишем разоблачительную статью, где вы официально заявите, что платье порвали сами. Случайно зацепились за плохо пристегнутый к двери держатель, или...

— Нет, что вы! — Бельская вскинулась. — Я уже на каждом углу сказала, что эта никчемная модистка Жюли плохо прошила швы! Если я сейчас скажу, что порвала сама, выйдет, что я лгунья!

Я знала, что она так скажет. Репутация — вещь хрупкая, и признавать «надвое» свои слова в свете не принято. Но я делала вид, что я в полном неведении о её мелкой подлости с неоплатой счета.

— Ох, мадам, ну что вы! Это же такая ерунда, сущий пустяк! — я махнула рукой. — Вы могли просто не разобраться в расстройстве чувств. Мы же с вами женщины, а не белошвейки, в конце концов! Нам ли разбираться в качестве

машинного шва или крепости нити? Вы вчера на эмоциях обвинили мастерскую, а сегодня... сегодня мы подарим Петербургу сенсацию.

Бельская слушала, открыв рот. Разумеется, она не упомянула, что просто не хотела платить Жюли. Но теперь этот «пустяк» мог стоять ей статуса главной дамы сезона.

— Слушайте мой план, — я взяла со стола лист бумаги. — Завтра мы печатаем статью «Разоблачение мнимой мадам Х». Мы напишем, что вы, Татьяна Борисовна, обладаете таким пылким темпераментом... а это сейчас модно, что в порыве восторга от праздника сами не заметили, как повредили наряд. А некая личность, желая пристроиться к вашей славе, выдумала интрижку с вашим мужем. Мы выставим мадам Х сумасшедшей приживалкой, которая подсмотрела за вами в замочную скважину.

В глазах моей клиентки — а теперь она была ею на все сто процентов — вспыхнул тот самый огонек, который появляется у людей, когда в голове складываются до этого сумбурно нагроможденные кирпичики.

— Но как же модистка? Все знают, что я её ругала...

— А я сама прогуляюсь до мадам Жюли, — я подмигнула. — И лично получу от нее подтверждение, что она «осмотрела платье и нашла механическое повреждение, нанесенное дверью». Я ее уговорю, поверьте. Вы же понимаете: лучше признать маленькую ошибку с платьем, чем наличие у мужа влиятельной любовницы?

— Милая, милая Елизавета Платоновна! — Графиня схватила меня за руки. — Вы просто спасительница! Какой ум, какая хватка! Передайте мадам Жюли от меня мою глубочайшую... хм... признательность в цифровом эквиваленте. — Она вынула изящное портмоне и, не глядя, отсчитала несколько крупных купюр. — Здесь за платье и... за беспокойство.

— Пренебреженно, уважаемая Татьяна Борисовна, — я спрятала деньги в ящик стола. — Но моя консультация и работа над статьей... это отдельная колонка расходов нашей типографии. Мы ведь теперь — современное предприятие. — Я написала цифру в громоздкой приходной книге.

Сумма была наглой, но графиня, не моргнув глазом, выложила и эти деньги. Безопасность мужа и собственного имени стоила дороже. Когда за графинею закрылась дверь, я выдохнула. Первый чек закрыт! Но расслабляться было рано.

На пороге возник Фомич, бледный, как приведение. Он и так не понимал, что происходит в этом вертепе, а теперь, когда на его территорию повадились пачками графья...

— Барышня... там... граф приехал. Андрей Петрович. Грозится всех в кандалы забрить за... в общем, за нашу новость. А я вам говорил!

Я поправила локоны в зеркале.

— Ну вот, пошли козыри. Точнее, как ты выразился: графья. Зови!

Граф Х, имени которого я даже не удосужилась узнать,

ворвался в кабинет как стихийное бедствие. Если графиня была фурией, то граф был воплощением оскорбленного достоинства старой гвардии. Его бакенбарды дрожали от негодования, а в руке он сжимал вчерашний номер газеты так, будто хотел его задушить. — Как это понимать?! — взревел он, хлопая газетой по столу. — Какие еще долги?! Какой алмаз?! Вы понимаете, что за такие намеки...

— Простите, любезный, а вы, собственно... кто? — подняла я глаза, продолжая все еще сидеть в своем кресле.

— Андрей Петрович Заславский! Тот самый граф X, о котором вы вчера напечатали вашу скверную и лживую новость! Я могу добиться дуэли...

— Андрей Петрович, — я встала, демонстрируя максимальное почтение и при этом не давая ему вставить ни слова. — Прежде чем вы вызовете моего отца на дуэль, позвольте мне спросить: с чего вы решили, что граф X это вы, если никакого алмаза вы не проиграли? И еще вопрос: вы действительно хотите, чтобы завтра весь город гадал, в каком именно ломбарде лежит ваш «Дон»? Так ведь называют этот алмаз? Или вы хотите выйти из этой ситуации человеком, который настолько богат, что может позволить себе... игру с публикой?

Граф замер.

— Игру? Вы о чем? Алмаз... он... н-ну... — Он помялся, и я поняла: алмаз и правда проигран. Мой инсайд от Коко был точнее лазерного прицела.

— Давайте будем честны, — я подошла ближе, понизив голос. — Сюда приходить с жалобами — значит подтверждать слухи. Вы — граф! Неужели вы позволите какой-то газетенке диктовать вам условия? Давайте повернем всё иначе. Мы подадим эту статью как... рекламу.

— Рекламу? — граф нахмурился, не понимая этого богопротивного слова.

— Именно. Мы напишем, что «Светский Петербург» провел расследование. Окажется, что алмаз вы продали лично какому-нибудь заграничному коллекционеру, а нынешний обладатель камня, дабы заявить о его уникальности, сам выдумал историю про проигрыш, чтобы цена выросла! Мы подадим это как анализ от нашего главного редактора. Анализ рынка драгоценностей!

Я видела, как в голове Андрея Петровича шестеренки со скрипом начали вращаться в другую сторону.

— То есть... я его не проиграл, а выгодно вложил? — Именно! А про статью с алмазом мы напишем: «Наш корреспондент стал жертвой мистификации со стороны агентов покупателя». Это добавит вам веса как человеку дела, а не игроку. Понимаете? И, пожалуйста, скажите... между нами... алмаз и правда ушел за долги?

Граф отвел взгляд, забормотал что-то про «неудачную партию в вист», но по его лицу было видно — я попала в десятку.

— Хорошо, — выдохнул он. — Делайте что хотите, но

завтра опровержение должно быть таким, чтобы ни одна собака в Английском клубе не посмела хмыкнуть в мою сторону.

— Это будет стоить вам определенного взноса в фонд развития независимой прессы, Андрей Петрович, и завтра же в клубах появятся люди, которые будут говорить, что знали о продаже алмаза, и даже являлись свидетелями, а вы и не собирались скрывать сего факта! — я пододвинула ему книгу жалоб и предложений... вернее, мою будущую книгу доходов, где я зачеркнула уже написанную сумму и добавила к ней двадцать процентов.

— Боже мой, Платон Сергеевич и не подозревал, какого монстра он вырастил. Вы — чертовски опасная женщина.

— Я просто деловой человек, граф. Мои услуги по созданию этого «инфоповода» будут стоить вам вот этой суммы. И, разумеется, вы станете нашим постоянным подписчиком, но никому не признаетесь, что у нас сделка. Понимаете, надеюсь, что это больше в ваших интересах?

Когда граф, оставив на столе увесистый кошелек, покинул типографию, я подошла к окну. На часах было всего одиннадцать утра. Я уже заработала больше, чем вся газета за пару кварталов. Репутация — самый дорогой товар, и я только что начала торговать ею в розницу.

Я посмотрела на свои руки — на них остался легкий след типографской краски. «Ну что, Лизавета, — шепнула я себе, — кажется, этот век не такой уж и скучный. Главное —

вовремя менять правила игры».

Завтрашний номер обещал быть бомбой. А впереди у меня была встреча с мадам Жюли, которой я собиралась вернуть не только деньги, но и профессиональное достоинство. И, кажется, пришло время подумать о том, как объяснить отцу, почему у нас в кассе внезапно образовался профицит бюджета.

Коко вошел в кабинет через пару минут, сияя как начищенный самовар.

— Лиза! Ты ведьма! Я видел их лица! Граф даже извозчику дал на водку больше обычного от радости! — Это не магия, Коко. Это системный PR. И не забудь: нам нужны новые сплетни. Завтрашний номер должен продать сам себя! — Я радовалась, что Николя больше не задает вопросов, не выясняет о чем это я говорю, а еще, я чувствовала, как азарт наполняет меня. До января оставалось всё меньше времени, но теперь я точно знала: эта типография станет моим золотым прииском, а Петербург — моей детской площадкой. Главное — помнить, что честь стоит дорого, но её восстановление — еще дороже.

Глава 10

Через пару дней пребывания на работе я впервые за долгое время позволила себе проснуться не от чувства надвигающейся катастрофы, а от запаха свежесваренного кофе и звука бодрого шуршания газетных листов в гостиной. Сентябрьское солнце, уже не греющее, но удивительно яркое, заливало наш дом, превращая пылинки в золотую взвесь.

Сегодня был «домашний день» — редкая роскошь для антикризисного менеджера, работающего в условиях империи. Я вышла к завтраку в простом, насколько это возможно для середины века, домашнем платье, и обнаружила всю семью в сборе. Папенька, Платон Сергеевич, сидел во главе стола, вооружившись пенсне. Перед ним лежал свежий номер «Светского Петербурга».

Его брови то взлетали к линии сидящих волос, то сходились у переносицы так плотно, что между ними можно было зажать монету.

— Лизанька, душа моя, — начал он, едва я коснулась губами его щеки. — Я, признаться, в некотором смущенном восторге. Или в восторженном смущении. Фомич доложил, что вчерашний тираж разошелся до полудня. До полудня! Мы допечатывали его ночью прямо с колес. Говорят, на Невском за нашу газету едва ли не дрались кучеры, чтобы пере-

дать господам в экипажи.

Я невинно потянулась к вазочке с вареньем.

— Это же прекрасно, папа. Значит, петербургскому обществу наконец-то стало что обсудить, кроме погоды и цен на овес.

— Обсудить — да, — отец кашлянул, постучав пальцем по колонке «Письма в редакцию». — Но позволь... Вот это письмо от некоей «Скорбящей вдовы N.», которая утверждает, что «один известный кавалергард с пышными усами уронил свое достоинство в пруд на глазах у всей Каменно-островской публики, пытаясь достать платок замужней дамы X.». Лиза, это же... это же почти скандал! А этот заголовок? «Усатый пловец и тайны Каменного острова»? Господи, Ронсар перевернулся бы в гробу!

Я звонко рассмеялась, глядя, как Софья старательно прячет улыбку за чашкой чая.

— Папа, Ронсар был бы в восторге от охватов! Посмотри на цифры. Тираж увеличился вдвое. А, по моим прогнозам, к следующему вторнику мы сможем смело говорить, что он вырос втрое. Люди не хотят читать про абстрактное благородство, они хотят видеть живых людей с их маленькими — и большими — слабостями.

— И всё же, — папа старался выглядеть суровым, но уголки его губ предательски подрагивали, — откуда берутся эти письма? Редакция завалена ими! Неужели наш народ вдруг стал таким... эпистолярно активным?

Я обменялась быстрым взглядом с Николаем. Коко, мой сообщник по сбору сплетен в театральных кулуарах, как раз в этот момент пытался густо намазать маслом и вареньем и ез того под завязку набитый кремом эклер. Он-то знал, что мы с ним выслушивали в ложах Александринского театра, но даже он не догадывался, что все эти письма — от «Оскорбленной невинности», «Случайного свидетеля» и «Тайного поклонника» — написаны лично моей рукой на моем секретере.

— Народу нужно было только дать трибуну, папенька, — ответила я, подавляя смехок.

На самом деле, мой метод был прост как дважды два. Пока у нас не было реального потока клиентов, я сама создавала спрос. Мы с Софьей и Коко стали завсегдатаями театров и салонов. О, это было золото! Я слушала полушёпоты за веерами, ловила косые взгляды дам на балах, записывала в памяти, кто с кем слишком долго танцевал мазурку, и чья карета задержалась у парадного входа дольше положенного.

Вернувшись домой, я превращала эти крохи информации в «жареные» тексты. Я была хирургически точна: не называла имен, путала детали, которые могли бы привести к дуэли, но оставляла ровно столько «пасхалок», чтобы всё общество понимало, о ком идет речь. Это было искусство намека. И, о чудо маркетинга, я заметила невероятный побочный эффект: некоторые дамы начали специально громко шептаться, надеясь... попасть в газету! Они просто боялись прийти

в газету, и с этим тоже что-то надо было делать!

— Лиза, — окликнула меня Софья, когда отец ушел в свой кабинет подсчитывать выручку (слышно было, как он там довольно крикает).

— Пойдем в сад? Я хотела... обсудить с тобой завтрашний выезд.

Мы вышли на дорожку, усыпанную пожелтевшими листьями лип. Софья, которая раньше интересовалась исключительно житиями святых и вышиванием крестиком, теперь выглядела необычно оживленной. В её руках была маленькая записная книжка.

— Знаешь, — начала она чуть смущенно, — вчера в театре, когда мы были в ложе Столпянских, я заметила, что графиня Орлова трижды поправляла левый перстень, когда мимо проходил поручик Ливен. Причем перстень был с изумрудом, а на ней было рубиновое ожерелье. Это же дурной тон, правда? И... подозрительно?

Я остановилась и с восхищением посмотрела на подругу.

— Соня! В тебе просыпается настоящий светский репортер! Изумруд с рубином — это не просто дурной тон, это крик о помощи или о тайном свидании. Гравировка на кольце Ливена тоже была с зеленым камнем?

— Я не разглядела, — вздохнула София, — но она смотрела на него так, будто он — последний кусок пирога в голодный год. Лиза, неужели ты напишешь об этом? О «зеленом камне в рубиновом море»?

— Гениально! Соня, это будет заголовок номера! — я обняла её за плечи. — Видишь? Ты тоже начинаешь это чувствовать. Мир — это не просто набор правил, это история, которую мы рассказываем.

— Мне раньше казалось, что всё это... пустое, — тихо сказала Софья, глядя на свои руки. — А теперь я вижу, как твоя газета оживила даже отца. Он вчера за ужином впервые за год не жаловался на боли в пояснице, а трижды пересказал шутку из твоей статьи про «провалившееся достоинство» кавалергарда.

— Потому что энергия, Соня, — это валюта лучше золота. А внимание — это самая дорогая энергия.

Мы шли мимо кустов шиповника, и я чувствовала, как в доме Вторых рождается новая легенда. Лизавета Платонова, возможно, и не умела вышивать гладью, зато она умела вышивать судьбы города на газетных полосах. И самое забавное — никто из домашних даже не подозревал, что «голос народа» из писем в редакцию — это просто я, которая слишком хорошо выучила правила игры еще в двадцать первом веке.

— Лиза, а если Столпянский догадается и выгонет тебя из газеты? — вдруг спросила Софья, помрачнев. Я усмехнулась.

— Аркадию Викторовичу нравится прибыль. Он явно какое-то время не поймет, что происходит, и будет уверен, что уж точно не девица к этому привела! А пока у нас тираж рас-

тет, он будет смотреть на мои «фокусы» как на милую девичью забаву.

Мужчины в этом времени совершают одну и ту же ошибку: они недооценивают женщину, которая знает, чего хочет. Я сорвала сухой лист и пустила его по ветру. Пора было идти писать новое «письмо» — на этот раз от «Анонимного любителя изумрудов».

Вечер и ужин тоже были пропитаны хорошим настроением, и я уже было представила, что так теперь будет всегда.

Мы только по третьему кругу обсудить феноменальный взлет тиража, как двери столовой распахнулись с таким грохотом, будто их вынесли тараном. Влетела Марфутка — чепец на боку, глаза по плоске, в руках поднос, который дрожал мелкой дрожью.

— Платон Сергеевич! Батюшка! Там... там ОНИ пожаловали! Генерал Почечуев! Говорят, по делу государственной важности и немедленно!

Отец вздрогнул, едва не выронив пенсне в варенье. Николай закатил глаза так глубоко, что я всерьез испугалась за его зрение, а Софья мгновенно выпрямила спину, превратившись в безмолвное изваяние приличия.

Я же не знала, как реагировать, и пыталась вспомнить — не началась ли какая-то война?

В столовую, не дожидаясь приглашения, вплыл — или, точнее, ввалился — наш сосед. Аристарх Саввич Почечуев был персонажем, которого природа создала в минуту дурно-

го настроения: приземистый, с багровым лицом, напоминающим переспелый томат, и усами такой длины, что они, казалось, имели собственную гравитацию.

Его мундир, густо усыпанный орденами, трещал по швам, удерживая мощный напор генеральского живота.

— Платон! Дружище! — взревел он, игнорируя дам. — Слышал, твоя газетенка стала популярнее французских романов! Весь Петербург только и шепчется: «Светский Петербург» то, «Светский Петербург» сё... Решил и я приобщиться к прогрессу!

Отец поднялся, стараясь сохранить остатки достоинства.

— Аристарх Саввич, помилуйте, мы как раз ужинаем... Разделите с нами трапезу и семейный, так сказать, междусобойчик! Чем обязаны?

Генерал грузно опустился на стул, который жалобно пискнул под его весом. Он вытер пот с лысины огромным клетчатым платком и устался на папеньку маленькими, заплывшими жиром глазками.

— Дело интимное, но общественное! Пиши, Платон: «Герой турецкой кампании, кавалер всех мыслимых знаков отличия, обладатель железного здоровья и стального характера, ищет себе спутницу жизни. Молодую, кроткую, а главное — с приличным приданым, дабы продолжить славный род Почечуевых». Распиши ярко! Чтобы вдовы в очередь выстраивались!

Коко, сидевший рядом со мной, наклонился так близко,

что я почувствовала запах только что проглоченного ягненка.

— Лиза, — прошептал он мне на самое ухо, едва сдерживая смех, — он такой же «герой», как я — балерина. В ту-рецкую кампанию он командовал исключительно обозом со спиртом, а из «знаков отличия» у него только долги в Английском клубе, от которых даже у заядлых игроков волосы дыбом встают. Ни одна вменяемая вдова к нему на версту не подойдет — он промотал всё, включая имение покойной матушки.

Я посмотрела на генерала. Тот как раз пытался запихнуть в рот целый блин, алые усы воинственно топорщились. В моей голове, воспитанной на кейсах «Тиндера» и антикризисного пиара двадцать первого века, мгновенно щелкнуло. Это был не просто неприятный тип. Это был идеальный «отрицательный персонаж» для моего следующего рекламного маневра.

— Аристарх Саввич, — подала я голос, лучезарно улыбаясь. Все за столом замерли. Отец посмотрел на меня с нескрываемой тревогой — он уже знал, что, если у меня блеск в глазах, значит, сначала ему будет стыдно, а потом придется считать деньги.

— Какая чудесная мысль! Но зачем же нам обычное объявление? Это банально, это мелко для вашего масштаба!

Генерал замер, не донеся блин до цели. По его лицу было видно, что слово «масштаб» ему очень понравилось.

— Продолжай, красавица. Что предлагаешь?

— Мы сделаем целую серию публикаций! — я подалась вперед, азартно жестикулируя. — «Дневник старого воина в поисках любви». Мы создадим вокруг вас ореол неприступной крепости, которую должна взять штурмом самая достойная. Мы не будем писать о долгах... ой, простите, о «временных финансовых маневрах». Мы напишем о «широте души, не знающей границ в тратах на прекрасное»!

Софья под столом сильно ущипнула меня за ногу, намекая, что я перегибаю, но я лишь незаметно отпихнула её.

— Папенька, — я повернулась к отцу, — Аристарх Савич станет нашим лицом рубрики «Завидные женихи империи».

Я знала, что это будет, хоть и низкобюджетная, но бомба. Это станет первым сериалом. Тираж взлетит! Мы привлечем рекламу модисток, которые захотят одевать претендентов, и ресторанов, где генерал будет назначать «смотрины». В моей голове план уже выстроился в стройную цепочку: я напишу о нем так пафосно и нелепо, что это станет лучшей комедией сезона.

Люди будут покупать газету, чтобы поржать над сюжетом, а сам генерал будет купаться во внимании, которое он вожделеет. Заплатит очень небольшие деньги, свято веря в свою неотразимость, а по факту, найдется ли невеста... Уверена, ему это не важно! Это был классический «хейт-маркетинг».

— А ведь девица-то с головой! — генерал хлопнул ладо-

нюю по столу так, что подпрыгнули чашки. — Пиши, Платон! И давай там побольше про стальной характер! И про то, что я... как это... ценитель женских ножек!

— Мы напишем «ценитель прекрасных порывов души», Аристарх Саввич, — кротко поправила я. — Так сейчас моднее.

Когда за довольным генералом закрылась дверь, в столовой воцарилась тишина. Первым не выдержал Коко. Он сложился пополам от хохота, уткнувшись в салфетку.

— Лиза! Ты... ты гений зла! Ты же его сейчас на весь город опозоришь, а он тебе еще и поцелует ручку за это!

— Я не позорю его, Коко, — я спокойно отпила остывший чай. — Я даю генералу то, что хочет он — известность, читателю — хорошее настроение, а нам — достаток!. Через неделю каждая вдова в Петербурге будет знать, к какому дому НЕ стоит подъезжать, если не хочешь остаться без гроша. Но читать об этом они будут в нашей газете.

А Софья... Я посмотрела на подругу. Софья смотрела на меня не с ужасом, как обычно, а с каким-то странным, лихорадочным любопытством.

— Лиза, а можно... можно я помогу тебе описывать наряды претенденток? Я видела вчера в театре такое безвкусное сочетание перьев и кружева у одной баронессы... Это идеально подойдет для «штурма крепости» генерала.

Я улыбнулась. Лед тронулся. Моя маленькая команда начала обрастать настоящими кадрами. Это был наш первый

коллективный «мозговой штурм»!

— Конечно, Сонечка. Доставай на завтра чернила. У нас будет много работы — нужно написать письмо от лица «таинственной поклонницы с пятьюдесятью тысячами приданого», которая якобы уже заинтригована мужественным профилем нашего соседа.

Папа только тяжело вздохнул и уткнулся в газету, но я видела, как он тайком записывает в блокнот что-то. Надеюсь, через пару дней он принесет мне несколько статей о генерале.

Глава 11

Марфутка, запыхавшись, влетела в мою спальню с конвертом, благоухающим не лавандой, как у приличных дам, а тяжелым табаком и каким-то казенным сургучом.

— Барышня, Лизавета Платоновна! Мальчишка принес, велел в руки отдать. Сказал, дело жизни и смерти, не меньше! Я отложила перо. Ночные смены в редакции «Светского Петербурга», которые я называла «креативными штормами», а папенька — «бесовством» давали о себе знать темными кругами под глазами, но адреналин перекрывал усталость.

— «Милостивая государыня Елизавета Платоновна, — прочитала я вслух, игнорируя любопытный нос Марфутки. — Наслышан о вашем... неординарном подходе к исправлению досадных недоразумений в обществе. Умоляю о встрече сегодня в три часа пополудни в Летнем саду, у фельдмаршальского выхода. Вопрос чести и карьеры. Оплату гарантирую в любом эквиваленте, какой сочтете достойным».

Подписи не было, только инициал «К».

— Интрига, — пробормотала я, чувствуя, как внутри просыпается азарт пиарщика, учувшего крупный бюджет.

— Софья! Собирайся, мы идем гулять.

— Опять твои «дела»? — Софья заглянула в комнату, по-

правляя чепец. За последнюю неделю моя подруга изменилась: в глазах появился блеск, а в движениях — решительность. Она больше не боялась светских сплетен, она начала ими управлять вместе со мной.

— Лиза, папенька решит, что мы ищем женихов в Летнем саду.

— Скажем, что ловим вдохновение для колонки об осенней моде. Вперед!

Летний сад встретил нас шуршанием золотой листвы и чопорными взглядами прогуливающейся публики. Мы с Софьей шли под руку, изображая двух невинных граций, хотя на самом деле я сканировала пространство не хуже радара. У фельдмаршальского выхода, прислонившись к мраморной статуе, которая выглядела куда более жизнерадостной, чем он сам, стоял мужчина.

Лет сорока, в мундире, застегнутом на все пуговицы, несмотря на мягкое солнце. Лицо цвета лежалого картофеля, глаза затравленные, а руки так сильно сжимали набалдашник трости, что костяшки побелели. Типичный чиновник среднего звена, которого система решила пережевать и выплюнуть.

— Елизавета Платоновна? — он шагнул навстречу, сорвав цилиндр. — Стоянов Корней Венедиктович. Прошу, давайте отойдем к пруду, там меньше ушей.

Мы двинулись по аллее. Софья тактично отстала на пять шагов, делая вид, что изучает лебедей, хотя я знала — она

ловит каждое слово. — Лизавета Платоновна, я покойник, — без предисловий начал Стоянов. — Вчера в моем рабочем столе при плановом досмотре обнаружили три тысячи рублей ассигнациями. В пачке с гербовой бумагой!

— Ого, — присвистнула я (мысленно, конечно). — Это цена небольшого имения или очень долгой поездки в Сибирь за казенный счет.

— Но я их не брал! — он почти вскрикнул, напугав пролетавшую ворону. — Это подлог! Мой подначальный, Акакий... то есть, Прохор Петрович, давно метит на мое место. Он зять начальника департамента! Сегодня вечером об этом узнает министр, завтра — газета «Северная пчела», а послезавтра я буду в Петропавловке ждать суда. Моя жена... четверо детей... репутация рода!

Я посмотрела на него со смесью жалости и профессионального интереса. Чиновник, попавшийся на взятке — сюжет избитый, как старый сапог. Просто сказать «он не брал» — никто не поверит. В Петербурге не верят в честных чиновников, в них верят меньше, чем в русалок.

— Корней Венедиктович, — я остановилась у скамейки и жестом приказала ему сесть. — Если мы просто напишем, что вы честный человек, люди посмеются. Нам нужно не оправдание. Нам нужна Легенда.

— Какая легенда? — он уставился на меня, как на сумасшедшую. — Нативная благотворительность, — я произнесла это слово из будущего и тут же поправилась.

— Тайное человеколюбие! Скажите, вы когда-нибудь подавали нищим?

— Ну... по праздникам... пятак... — промямлил он.

— Мало. Слушайте мой план. Эти три тысячи — это не взятка. Это деньги, которые вы собирали втайне от всех, чтобы основать приют для вдов мелких чиновников. Или фонд для обучения сирот каллиграфии. Вы долго на них копили, отказывая себе во втором блюде и новых панталонах. Вы хранили их в столе, потому что... — я прикусила губу, подбирая логику, — потому что хотели сделать сюрприз министру к его юбилею — от его имени сделать благое дело. Вы боялись, что если положите их в банк, об этом узнают и решат, что вы хвастаетесь.

Глаза Стоянова начали округляться.

— Но это же... ложь?

— Это альтернативная реальность, Корней Венедиктович. Мы заставим людей поверить, что вас подставили не потому, что вы вор, а потому, что ваш Прохор Петрович — бездушная скотина, решившая уничтожить святого человека. Мы сделаем из вас мученика идеи.

— Но как? — прошептал он. — В «Пчеле» уже готовят статью о «финансовом змие в недрах министерства».

— У нас есть «Светский Петербург», — я хищно улыбнулась. — И у нас есть отдел рекламы. Софья! Подойди-ка сюда. Нам нужно срочно написать «Письмо благодарной сиротки». А еще, вам с Николаем придется съездить в один

из приютов и договориться с его благотельницей о взносе, благодаря которому она будет на каждом углу говорить, что Стоянов вот уже несколько лет тайно помогает им. А тайно, потому что сам велит ей молчать, и не озвучивать от кого пришла помощь!

— Поняла, сделаем, только... какую сумму им предложить за это?

— Корней Венедиктович сам решит. Вот ее мы и предложим, — уклончиво ответила я, но по глазам напуганного скорой расправой мужчины, поняла, что он готов на все, и нельзя торговаться.

Вечером того же дня редакция гудела. Я заставила Фоми-ча рассыпать набор сонетов и поставить на вторую полосу текст, от которого у меня самой наворачивались слезы (от смеха над собственной наглостью).

«СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ: Добродетель в оковах! Знает ли Петербург, что среди серых стен министерских кабинетов бьется сердце истинного филантропа? Нам стали известны подробности частного подвига К.В. С-ова. Годами этот скромный муж откладывал по копейке, чтобы внести залог за неимущих должников... Его скромность столь велика, что он скрывал золото даже от домашних. И вот — черная зависть коллег превратила дар милосердия в орудие клеветы!»

— Лиза, это гениально, — Софья сидела за конторкой, переписывая текст своим каллиграфическим почерком под

мой диктант.

— Мы добавим, что он еще и в церковь вклады не делал, чтобы не привлекать внимания?

— Да! Пиши: «Он молился в тишине, а деньги хранил под рукой, чтобы в любой миг прийти на помощь». Боже, я сама в это начинаю верить!

На следующее утро Петербург проснулся от новой сенсации. Пока «Северная пчела» осторожно намекала на «злоупотребления», наша газета кричала о «загубленной святости». Я решила закрепить успех и вытащила Софью и Коко (который наконец отоспался после своих походов) в кофейню Вольфа и Беранже — главный рассадник слухов. Там мы должны были встретиться со Стояновым и получить вторую часть гонорара.

— Посмотрите на эти лица, — шептала я, попивая шоколад и наблюдая, как два столоначальника за соседним столом яростно тычут пальцами в нашу статью.

— Они уже не обсуждают, брал он взятку или нет. Они спорят о том, какой он приют хотел открыть — для вдов или для хромых собачек.

— Лиза, ты дьявол в юбке, — восхищенно пробормотал Коко. — Ты знаешь, что Прохор Петрович сегодня на службе пытался оправдаться, а ему коллеги руки не подали? Сказали: «Как вы могли, Прохор, покуситься на деньги для сирот?».

— В этом и суть, Коко. Если тебя обвиняют в краже —

обвини их в отсутствии сердца. Репутация — это не то, что ты делаешь, а то, что о тебе успели прочитать за завтраком.

В этот момент в кофейню вошел сам Стоянов. Он выглядел... иначе. Плечи расправлены, взгляд больше не ищет дыру в полу. Его тут же окружила пара чиновников. Один из них, седой старик с орденом святой Анны, похлопал его по плечу:

— Корней Венедиктович! Простите нас, грешных, не разглядели мы в вас второго Филарета! А Прохор-то, каков подлец!

Стоянов, наконец, увидел нас в углу. На мгновение наши глаза встретились. Он едва заметно кивнул, и в этом жесте было больше благодарности, чем во всех словах мира. А еще там был страх — он понял, что теперь ему действительно придется жертвовать на приюты, чтобы легенда не рассыпалась.

— Ну что, сестренка, — я подтолкнула Софью. — Пора в редакцию. У нас там, конечно, нет очереди из героев, которые хотят отмыть свою совесть через наши печатные станки. Но сегодня мы заработали не только деньги, но и влияние.

— И что мы будем делать дальше? — спросила Софья, чьи глаза теперь горели истинным азартом.

— Дальше? Мы сделаем так, чтобы в Петербурге стало модно быть добрым, даже если ты последний мошенник. Наша газета станет судебным залом, где приговор выносит не закон, а совесть. В общем, нам нужно проверять, кого мы

спасаем, и точно знать, что человек этот, как минимум, не полный паршивец. Теперь нам самим нужно начать беспокоиться о репутации, дорогие мои!

Николя получил от нашего первого, обратившегося самостоятельно к нам за помощью заказчика чек, вложенный в газету, как мы с ним договорились, и мы отправились домой.

Возвращались мы в отличном настроении. Погода перед холодами, словно желая подарить людям еще чуть тепла, позволила расстегнуть пальто, и все встречные улыбались.

Тираж снова вырос, папенька был счастлив, а в моем ридикюле лежал пухлый конверт и сегодняшний чек от чиновника — «на развитие русской каллиграфии», разумеется. Восемьсот пятидесятый год начинал мне нравиться. Здесь люди были такими же доверчивыми, как в эпоху интернета, только верили они бумаге, пахнувшей свежими чернилами. И я была той, кто эти чернила смешивал.

Обед в нашем доме в последнее время напоминал заседание штаба партизанского отряда, замаскированное под семейную трапезу. Не успела Марфутка водрузить на стол супницу с ароматными щами, как парадная дверь содрогнулась от удара, достойного тарана.

— Платон! Друг мой! Ты видел?! Ты читал?! — Рев генерала Почечуева-Задунайского ворвался в столовую раньше самого героя.

Аристарх Саввич влетел в комнату, размахивая свежим номером «Светского Петербурга» так неистово, что едва не

смахнул со стола солонку. Его лицо, обычно багровое, сегодня сияло неоновым светом триумфа.

Я, признаться, на секунду замерла с ложкой в руке, судорожно вспоминая: «Так, а что мы там вчера наваяли в типографском угаре?» Ах, да! Колонка про «Тайные подвиги старого грифона». И вчера перед сном, уже задув свечу, вдруг подскочила, зажгла ее снова и, давась от смеха, правила сухие строчки отца.

Папенька добросовестно записал генеральские бредни про охоту на медведей с голыми руками, а я... я превратила это в легкий, почти карикатурный очерк о «неутомимом кавалере, чья храбрость в лесу уступает лишь его галантности в гостиных».

— Читают! Платон, клянусь Андреем Первозванным, читают! — Генерал грохнулся на стул, который жалобно хрустнул. — Я сегодня специально в Летний сад пошел. Ходил кругами вокруг кофейного домика, будто засаду устраиваю. И что ты думаешь? Дамы в сиреневом шелке, те самые, Лопухины, кажется... сидят, уткнулись в твой листок и помирают со смеху! «Ах, — говорят, — какой мужчина, этот грифон! Какое сердце!»

Отец, сохраняя каменное лицо, аккуратно отодвинул тарелку.

— Рад за ваш успех, Аристарх Саввич. Но не кажутся ли вам некоторые... хм... обороты излишне вольными? Лизавета Платоновна вчера поправила стиль.

Генерал повернулся ко мне, и его усы качнулись в восторженном поклоне.

— Лизавета Платоновна! Душа! Гений! Ты так написала про мой шрам на коленке, что я сам в него влюбился! Знаешь что? В следующем номере давай прямо адрес мой бахнем по центру. Чтобы вдовы не плутали по переулкам, а шли сразу на огонек героя!

Я едва не поперхнулась морсом. Одно дело — создавать миф, другое — устраивать проходной двор в генеральском доме.

— Ну что вы, Аристарх Саввич! — я сложила руки в молитвенном жесте, стараясь, чтобы мой сарказм не просочился сквозь патоку голоса.

— Вы же стратег! Где вы видели, чтобы крепость сразу открывала ворота? Если мы дадим адрес, тайна исчезнет. Женское любопытство — вещь хрупкая: его надо кормить по чуть-чуть.

— По чуть-чуть? — Почечуев разочарованно поник усами.

— Именно. Поэтому ваши «Записки грифона» будут выходить строго по вторникам и четвергам. Ни днем чаще! — я подняла указательный палец. — Люди должны ждать вас с нетерпением. Они должны гадать в понедельник: «А что же наш герой выкинет завтра?» Если мы будем печатать вас ежедневно, они привыкнут к вам, как к утренней овсянке. А мы хотим, чтобы вы были для них шампанским!

— Шампанским... — блаженно повторил генерал, пробуя слово на вкус. — С пузырьками! Слышишь, Платон? Лизавета дело говорит. Пусть томятся! Пусть страдают до четверга!

Отец бросил на меня быстрый взгляд, в котором читалось: «Лиза, ты играешь с огнем, но черт возьми, как это работает». А я уже прикидывала в уме, как в следующей колонке «случайно» упомянуть, что генерал в долгах по уши, но подать это как «широту русской души, не знающей границ в тратах на прекрасное». Ребрендинг банкрота в романтического транжиру — задача как раз для моего настроения.

Глава 12

Начало октября и активная фаза моей петербургской авантюры пахла уже не только типографской краской и сыростью Невы, но и тем самым упоительным ароматом, который не спутать ни с чем — запахом чистой прибыли. Октябрь раскрасил город в охру и багрянец, а наши счета — в обнадеживающий золотистый цвет.

Мы с отцом сидели в его кабинете, окруженные кипами бумаг, но на этот раз хаос был только видимым. На массивном дубовом столе лежал мой главный козырь — листы, расчерченные в аккуратные колонки. Я внедрила в «Светский Петербург» систему двойной записи и управленческий учет, от которых у папеньки поначалу шел кругом голова.

— Лизанька, душа моя, — Платон Сергеевич в десятый раз протер пенсне, вглядываясь в мои таблицы. — Объясни мне еще раз, как это работает? Почему здесь цифра красная, а здесь — зеленая? И что это за «дебет» с «кредитом»? Ты говоришь, как заправский бухгалтер из голландской конторы!

Я усмехнулась, пододвигая к нему итоговую ведомость. Мои пальцы, испачканные в чернилах — издержки производства, которые я носила с гордостью ювелира — уверенно прочертили линию под итогом месяца. — Все просто, папа.

Красное — это то, что мы потратили, включая дрова, бумагу и ночные смены Фомича. Зеленое — это наш чистый триумф. Посмотри на цифру в правом углу.

Отец замер. Его губы беззвучно зашевелились, пересчитывая нули. — Четверть... Лиза, это же четверть той суммы, что мы должны вернуть в январе! За один месяц! Мы... мы не просто выживаем, мы побеждаем! — Он поднял на меня взгляд, полный такого детского восторга и облегчения, что у меня на мгновение сжалось сердце.

Мой благородный, честный отец, который еще месяц назад готовился пустить имение с молотка, теперь видел свет в конце туннеля. Тираж вырос в четыре раза. Это был не просто успех, это была информационная монополия в масштабах отдельно взятого Петербурга.

— Если сохраним темп, к Рождеству мы не только отдадим долг, но и сможем купить новый печатный станок из Германии, — добавила я, лениво помешивая остывший чай. — Люди подсели на наши новости, как на заморские сласти.

В этот момент дверь в прихожую распахнулась, и до нас донесся голос Аркадия Столпянского. Громкий, властный, с нотками металла, который всегда заставлял Марфутку вытягиваться во фронт. Наш уважаемый совладелец и мой официальный жених - абыюзер явно был не в духе.

Как только я успела свернуть и убрать со стола наши таблицы с «черным налом», Аркадий вошел в кабинет. Без стука, заполнив пространство запахом дорогого табака и аурой

человека, который привык, что мир вращается вокруг него.

Его взгляд сразу упал на книги с доходами, в которых все было шито - крыто, и он прищурился.

— Платон Сергеевич, Лизавета Платоновна, — он коротко кивнул, не снимая перчаток. — Весь город гудит. О «Светском Петербурге» говорят даже в министерствах. Ваши тиражи... они пугают. И радуют, конечно, как совладельца. Но больше пугают.

Он подошел к столу и бесцеремонно заглянул в мои записи. Я вовремя прикрыла ладонью колонку с «тайными взносами» от благодарных клиентов вроде Лопухина. Для Аркадия здесь должна была быть только скучная статистика продаж.

— Кто это пишет, Елизавета? — он повернулся ко мне, и в его глазах я прочитала холодное любопытство хищника. — Я читал вчерашний пасквиль про «Грифона». Это не слог вашего отца. И уж тем более, не Фомича. Это... остро, дерзко, почти на грани приличия. У вас появился новый автор?

Я мило улыбнулась, приняв вид восторженной дурочки.

— Ах, Аркадий, вы же знаете, как сейчас трудно найти талант! Мы наняли нескольких бедных студентиков из университета. Молодые люди, знаете ли, за тарелку супа и возможность увидеть свое имя в печати готовы на любые лингвистические кувырки. Тренируются. Я лишь немного правлю их неоперившиеся мысли, чтобы папеньку не хватил удар от их либерализма.

Столпянский не сводил с меня глаз. Он явно мне не верил, но и уличить во лжи не мог.

— Студентики, говорите? Хм. Однако эти «студентики» знают изнанку света лучше, чем старые сплетницы. И вот еще что... — он сделал паузу, прохаживаясь по кабинету. — Я заметил, что вы стали часто бывать в парках, в театрах... И всё время с какими-то странными личностями. Вчера вас видели у пруда с чиновником средней руки. О чем может беседовать дочь издателя с мелкой сошкой из министерства?

Меня обдало холодом. Значит, следит. Мой дорогой Аркадий начал вести свою игру, почуяв, что птичка ускользает из золотой клетки.

— Я собираю материал, — отрезала я, теряя часть своего притворного радушия. — Если мы будем писать только о балах, нас перестанут читать через неделю. Людям нужны герои и антигерои. Чиновник? Он жаловался на несправедливость начальства. Прекрасный сюжет для колонки о «Маленьком человеке в большом городе», вы не находите?

Аркадий остановился напротив меня. В его взгляде промелькнула искра уважения, смешанная с раздражением.

— Вы стали слишком самостоятельной, Лиза. Это опасно. Но раз уж газета так выросла... Мне нужен заказ. Выгодный. Моя мануфактура поставляет сукно для армии, но я хочу выйти на частные заказы для Гвардии. Напишите обо мне. Но не рекламу — ее никто не читает. Напишите... историю. О качестве, о традициях, о том, что Столпянский — это за-

лог чести. Мне нужен крупный контракт до конца года.

Я задумчиво постучала пальцем по столу. Аркадий просил «джинсу» — нативную рекламу в ее первозданном виде. Риск был велик: если я переслащу, читатели почуют подвох. Если откажу — он начнет копать в два раза усерднее.

— Что ж, Аркадий, я подумаю, как вплести вашу честь в канву наших сплетен, — произнесла я с легким сарказмом. — Но помните: в моей газете даже святые выглядят капельку грешными. Так им больше верят. Ну и... не поскупитесь на оплату студенческого труда. Сами понимаете, студенты — народ обидчивый!

Когда он ушел, оставив после себя тяжелый запах амбиций, я посмотрела на отца. Тот выглядел озадаченным.

— Лиза, он ведь не отступится. Он не просто хочет прибыли, он хочет контроля.

— Знаю, папа, — я закрыла амбарную книгу и решительно встала. — Но к тому моменту, когда он поймет, сколько на самом деле стоит «мнение читателей», мы уже будем слишком богаты, чтобы он мог диктовать нам условия. Софья! — крикнула я в коридор. — Собирайся! Нам нужно в кондитерскую на Невском. Говорят, там сегодня видели жену обер-полицмейстера в странном обществе. Нам нужен новый сюжет!

Вечерний Петербург встречал нас перезвоном колоколов и цокотом копыт. Город жил своей тайной жизнью, а я, сжимая в кармане карандаш, чувствовала себя маленьким, со-

вершенно незащитным кукловодом. Аркадий думал, что он охотник, но он не учел одного: я пришла из века, где информацией правят смыслы. И я не собиралась проигрывать.

Вечер того же дня обещал быть спокойным, но в нашем доме слова «спокойствие» давно не существовало. Мы сидели в столовой: папенька с довольным видом смаковал наливку, Софья увлеченно обсуждала с Коко новую постановку в театре. Я же была погружена в мысли о своем бытии, и, конечно, о заказе моего женишка.

Мирную беседу моих родных и мой личный сплин прервал уже знакомый грохот.

— Триумф! Абсолютный, неоспоримый триумф! — Генерал Почечуев-Задунайский ввалился в комнату, размахивая тростью, на которой был намотан... женский чулок?

— Аристарх Саввич! — папенька поперхнулся. — Это что за трофей?

Генерал бухнулся на стул, сияя как начищенный медный таз.

— Это, Платон, признание! Гулял я сегодня, как велела Лизавета Платоновна, строго через день. Лицо держал каменное, как у Суворова под Измаилом. И тут — бах! Из окна второго этажа на Мойке падает ЭТО. И записочка: «Грифону моей души». Лиза, деточка, ты представляешь?! Она назвала меня Грифоном! Я теперь не могу просто по улице пройти, чтобы на меня не оглядывались.

Я не выдержала и прыснула в салфетку. — Аристарх Сав-

вич, надеюсь, вы же не собираетесь его теперь носить вот так?

— Зачем, ангел мой?! Я его на стену повешу, рядом с турецким ятаганом! — Генерал грохнул кулаком по столу. — Слушай, Лиза, в следующем выпуске напиши, что Грифон любит... скажем, вишневое варенье. Пусть знают, чем меня заманивать!

— Мы напишем, что Грифон неприступен, как Кронштадт, — ответила я, обмениваясь понимающим взглядом с Софьей. — А варенье... варенье мы оставим прыщавым подросткам. Нам нужен герой без страха и упрека, а не Карлсон, генерал!

— Карлсон? — на лбу гостя залегла глубокая морщина, а усы заподрагивали в такт какого-то марша, который он, по всей видимости, постоянно напевал про себя. — Это полководец времен Александра Македонского?

— Да, примерно того времени!

Глава 13

Лето выключилось как-то совершенно внезапно, вернее, конечно, это уже было не лето, но через пару дней мое утро началось уже не с желтой кисеи оставшихся на деревьях листьев, а с промозглого питерского ливня, который превратил набережные в зеркала, отражающие свинцовое небо.

В типографии все работало, как часы, и мы начали понимать, что нам не достает уже имеющихся станков. Я сидела в своем импровизированном офисе на втором этаже, пересчитывая отклики на последнюю колонку «Грифона», когда дверь внизу хлопнула с такой силой, что задрожали стекла в рамах.

— Мне нужна Лизавета Платоновна. Немедленно, — голос был глубоким, с хрипотцой, и в нем звенела такая уверенность, что даже наш грозный Фомич, кажется, забыл исконно русские ругательства, которыми обычно встречал незваных гостей. Я замерла. Это было прямым нарушением моих протоколов безопасности.

Аркадий Столпянский, мой «официальный жених» и по совместительству самозванный детектив, последнее время буквально дышал мне в затылок. Его шпионы мелькали в толпе у Летнего сада, а сам он зачастил в редакцию под предлогом «проверки отчетности». Если он увидит, что я прини-

маю клиентов прямо здесь, легенда о «нанятых студентиках» рассыплется как карточный домик.

Я вышла на балюстраду и посмотрела вниз. У печатных станков стоял мужчина. Даже сверху было видно, что он выше любого из моих наборщиков на целую голову. Темно-шатеновые волосы, мокрые от дождя, вились у висков, а тяжелое пальто с промокшим меховым воротником делало его фигуру еще более массивной и властной. Когда он поднял голову, я невольно сделала шаг назад.

Лицо было пугающе красивым: резкие скулы, прямой нос и глаза цвета грозового моря, в которых сейчас плескалось нечто среднее между отчаянием и яростью.

Евгений Шелестов. Я поняла, что это именно он исключительно по описанию из разговора, подслушанного мной в кофейне. Две женщины сильно за тридцать с таким придыханием обсуждали его внешность, личную жизнь и его же грехи, что я в тайне мечтала на таком вот альфа – герое проверить свое либидо.

Это имя за последний месяц превратилось в синоним светского дна. В каждой кофейне, в каждом театре я слышала о нем порции отборного яда: «пропил приданое жены до последней нитки», «забрал их детей и оставил этих ангелочков на попечение ожесточившейся тетки», «проигрывает остатки чести в закрытых клубах».

Я уже набросала про него пару едких строк для завтрашнего выпуска, собираясь использовать его как пример мо-

рального разложения.

— Поднимайтесь, господин Шелестов, — мой голос прозвучал суше, чем я планировала. — Но учтите, краска на лестнице еще не просохла, так что не испачкайте... остатки своей репутации. Он посмотрел на меня со смесью жалости и высокомерия, и поднялся, тяжело ступая по деревянным ступеням.

Вблизи он оказался еще более внушительным. Острый запах табака, дождя и какого-то дорогого, но едва уловимого парфюма заполнил мой тесный кабинет. Он заполнил собой всё пространство, заставив меня почувствовать себя маленькой и беззащитной — ощущение, которое я ненавидела всей душой.

— Вы зря пришли сюда, — я не предложила ему сесть, хотя новенькое кресло так и манило своей обивкой. — Я не принимаю просителей в типографии. И тем более я не принимаю тех, чьи имена стали притчей во языцех.

Шелестов молчал несколько секунд, глядя мне прямо в глаза. Его взгляд был тяжелым, изучающим. Под этим напором я почувствовала, как по спине пробежал холодок, а щеки предательски потеплели. Мать моя родная, он был чертовски хорош собой, если отбросить всё, что я о нем знала.

— Мне сказали, вы... — он вдруг замолчал и отвел взгляд. Его мощные плечи слегка опустились, и я увидела нечто совершенно неожиданное. Гордый хищник, гроза салонов, вдруг смутился. Он начал тереть край своей промок-

шей шляпы, и его скулы подозрительно порозовели. — Мне сказали, что вы помогаете тем, кого общество решило сожрать заживо.

— Я помогаю тем, кто несправедливо обвинен, — отрезала я, скрестив руки на груди. — А про вас, Евгений Дмитриевич, говорят вполне конкретные вещи. Трата приданого, дети... Вы ведь понимаете, что я не пишу сказки? Я продаю правду, просто под соусом, который удобно глотать публике. Из вашего случая я могу сделать только некролог для вашей карьеры.

— Это не... — он запнулся, голос сорвался. Он снова посмотрел на меня, и в этом взгляде на долю секунды мелькнула такая невыносимая боль, что я едва не осеклась. — Всё совсем не так, как пишут в этих... листках. Я не могу рассказать детали здесь. Это касается не только меня. Но если вы не поможете, дети...

— Вы слушаете сплетни, Лизавета Платоновна, — внезапно произнес он, и голос его вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Это профессиональное, я понимаю. Но позвольте мне дать вам другую пищу для ума. Просто факты, без кружев. — Он резко повернулся ко мне. В полумраке кабинета его глаза казались почти черными. Темные мокрые пряди прилипли к его лбу, придавая лицу вид суровый и измученный. — Моя жена... — он запнулся, и я увидела, как на его скулах заиграли желваки. — Она не страдальца, как болтают в салонах. Она вполне себе счастлива и здоро-

ва, если не считать полного отсутствия совести. Пока я был в разъездах по делам службы, она вместе со своим кузеном, господином Валерианом фон Штрихом, обчистила мои счета до последнего гроша. Всё, что было отложено на дело, всё, что составляло мой капитал — ушло то ли на их кутежи и карточные долги, то ли на чужие счета.

Я скрестила руки на груди, стараясь скрыть невольное волнение. Его версия звучала как сценарий дешевой мелодрамы, но то, с какой яростной горечью он цедил слова, заставляло меня слушать.

— А дети? — мой голос прозвучал тише. — Говорят, они брошены.

— Брошены? — Шелестов горько усмехнулся, и эта улыбка была похожа на шрам. — Она сама отвезла их к моей тетке в Гатчину, заявив, что «атмосфера разоренного дома дурно влияет на их неокрепшие души». Она выставила меня монстром, чтобы оправдать свои махинации. И теперь весь Петербург смакует историю о том, как Евгений Шелестов пропил жизнь своей семьи.

Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного предела. Я почувствовала жар, исходящий от его промокшего пальто. На мгновение мне показалось, что он сейчас схватит меня за плечи, но он лишь сжал кулаки.

— Мне не нужна ваша жалость, — прошипел он. — Мне нужно, чтобы вы перестали топить меня в своей газете. Дайте мне время вернуть долги, и я исчезну из вашего города

навсегда.

Я молчала. В моей голове щелкали шестеренки. Признаться, его мужественная красота и эта странная, ломаная искренность сбивали меня с толку. Мой внутренний циник кричал: «Он лжет!», но интуиция почему-то взяла паузу.

Резкий звук остановившегося под окном экипажа заставил меня подскочить к окну. Карета Столпянского.

— Уходите, — отрезала я, указывая на узкую дверь в конце коридора. — Через черный ход, мимо склада бумаги. Там вас не увидят. Я ничего не обещаю, господин Шелестов. Ваша история... она требует проверки. Но я подумаю. Если Аркадий увидит вас здесь, я напишу о вас такое, что вам придется бежать в Сибирь пешком!

— Буду ждать ответа у заброшенного дома Ильичевых на Васильевском. Любой кучер знает о чем речь. Завтра в шесть вечера, — шепнул он, обдав меня жаром своего дыхания, кивнул, коротко и резко, словно отдавая честь. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на тень надежды, смешанную с презрением к самому себе за то, что пришел просить.

Спустя мгновение его спешные шаги стихли на лестнице черного хода. Я едва успела опуститься в кресло и схватить какую-то ведомость, когда в кабинет ворвался Аркадий.

Его глаза сузились, он явно принюхивался. — Ты одна, Лиза? Мне показалось, я слышал голоса. И запах... табак?

— Это Фомич заходил за распоряжениями по тиражу, — я ослепительно улыбнулась, стараясь, чтобы руки не дрожа-

ли. — Ты же знаешь, его трубка способна выкурить армию Наполеона из Москвы. Что привело тебя в такую погоду, Аркадий? Неужели желание проверить, не потратила ли я лишний грош на чернила?

Столянский прошелся по кабинету, его взгляд ощупывал каждый угол.

— Я беспокоюсь о тебе. И о своем вложении. Слежка за нашими конкурентами из «Ведомостей» показывает, что они в ярости. Тебе не стоит ходить одной. А еще... я заметил, что ты стала часто бывать на людях одна, и разговаривать с прохожими. Кто эти люди, Лиза?

— Мои информаторы, Аркадий. Бедные студенты, которым нечего есть, но которые слышат всё, что говорят в министерских курилках. Вы ведь хотите эксклюзив для своей мануфактуры? Завтра мы напишем о новых станках, которые вы «якобы» заказал из Англии. Это поднимет акции.

Он немного смягчился, но я видела — он не верит. Он начал охоту, и Шелестов был сейчас как нельзя ни к месту!

Проводив настырного и что самое плохое — очень умного жениха, я подошла к окну и прижала лоб к холодному стеклу.

«Пропил приданое... кузен... Гатчина...» — фразы крутились в голове. Если он не лгал, то передо мной была жертва такой изощренной интриги, что даже я заплодировала бы исполнителю. Но если он актер — то лучший в Империи.

Похоже, мне предстояло либо окончательно растоптать этого шатена, либо понять, почему красивый мужчина так

старательно превращает свою жизнь в руины.

Глава 14

Утро в нашем доме давно перестало быть томным и лирическим. Едва я успела донести до губ чашку крепкого чая, как в столовую, чеканя шаг, ворвался Аристарх Саввич Почечуев-Задунайский.

Я еле сдержалась, чтобы спросить: закрываются ли в этом доме двери изнутри вообще? Или мы спим ночами, как в доме колхозника, куда любой может зайти, чтобы прикорнуть в углу у печки. Я даже иногда за столом стала осматриваться, вспоминая, кого за ним не хватает, если этот вояка вдруг пропускал хоть один прием пищи в нашем доме.

Его мундир сегодня сиял так, будто генерал лично полировал каждую пуговицу пастой ГОИ в течение всей ночи.

— Платон! Лизавета Платоновна! Грянул гром, господа! — взревел он, присаживаясь к столу с таким видом, будто принимал капитуляцию целого полка. — Вчера у Исаакия ко мне подошел статский советник Перфильев. Лично! И шепотом спрашивает: «Аристарх, голубчик, неужто это про тебя в газете пишут, как ты в одиночку на турецкую батарею с одним шомполом ходил?»

Я свела брови, силясь вспомнить что такое шомпол, и память — моя единственная помощница, услужливо предоставила картинку и назначение сия предмета. Тяжело вздохнув, я на всякий случай вспомнила какая серия этого героическо-

го сериала сейчас публикуется, и сколько долго мы еще сможем тянуть его, чтобы люди не устали от нашего Альфа-самца преклонного возраста.

Отец, меланхолично ковыряя ложечкой в яйце всмятку, тихо заметил:

— Аристарх Саввич, помилуйте, про шомпол мы еще не писали. Кажется, Лизавета правила текст про охоту на кабанов...

— Неважно! — генерал махнул рукой, едва не сбив молочник. — Народ жаждет героики! Лизанька, душа моя, вчерашний пассаж про мою «несгибаемую волю в вопросах бальной залы» — это же чистый восторг! Но мало, мало огня! Давайте добавим драмы. Напишите, что я в секретной миссии лишился верного коня, и теперь ищу даму сердца, способную... э-э... занять пустующее место в моем седле! Нет... лучше стать моим седлом? Нет, в моем сердце! И про родовое поместье упомяните, ну, то, которое у меня в залоге, но об этом ведь знать не обязательно? Пусть думают, что я — завидная партия с налетом таинственной грусти!

Я едва сдержалась, чтобы не заржать в голос. Если бы в моем времени кто-то написал этого персонажа, то играть его стоило Гарику Харламову.

Наш «Грифон» явно вошел во вкус, превращая свою жизнь в рекламную кампанию сомнительного качества.

— Аристарх Саввич, — я улыбнулась своей самой «профессиональной» улыбкой, — таинственная грусть — про-

дукт скоропортящийся. Если мы переперчим, вдовы решат, что у вас несварение желудка, а не разбитая душа. Давайте оставим всё как есть до четверга. Публика должна томиться.

Генерал ушел, светясь от собственной значимости, но на смену утреннему фарсу пришел дневной триллер. К обеду в прихожей раздался вкрадчивый голос Аркадия Столпянского. Наш совладелец и мой официальный жених явился при полном параде: цилиндр сверкал, трость с набалдашником в виде головы льва выглядела угрожающе дорого. Он вплыл в столовую, обдавая нас запахом помады и весь, будто подарочная коробка, излучай тайну и шик.

— Лизавета Платоновна, Софья, — он приложился к моим пальцам, и я едва подавила желание вытереть руку о ска-терть. Его губы были холодными и какими-то казенными, как перила городской поликлиники. — Вечер обещает быть великолепным. В Александринском дают новую драму. Я взял ложу. Отказа не приму — Петербург должен видеть, что «Светский Петербург» и мануфактуры Столпянского идут рука об руку.

Я переглянулась с Софьей. Она выглядела покорной, но я-то знала, что за этим фасадом скрывается разочарование: сегодня она надеялась помочь мне в типографии, а я... я с досадой вспомнила, что на вечер у меня была запланирована встреча с Шелестовым.

Но злить Аркадия сейчас, когда он начал приноховаться к нашим доходам, было равносильно прыжку в клетку к тигру

с куском сырого мяса в руках.

— Театр — это чудесно, — фальшиво пропела я, лихорадочно соображая, как передать весточку, что встреча отменяется. — Мы будем готовы к семи.

Я решила отомстить Аркадию по-женски изысканно. В гардеробе у меня висело роскошное шелковое платье цвета морской волны, в котором я выглядела бы королевой, но я выбрала самое скромное, серое, с глухим воротничком и минимумом отделки. А сверху нацепила воротничок, отчего стала похожа на нищую гувернантку, что, по сути, частично было правдой.

Софья последовала моему примеру. Когда Аркадий заехал за нами, его лицо вытянулось. Он-то рассчитывал, что я буду сиять, как вывеска на фасаде его маскулинности, подчеркивая статус, а вместо этого получил двух «серых мышек» из обедневшей дворянской семьи.

— Лизавета, вы... э-э... весьма скромны сегодня, — выдавил он, помогая нам сесть в экипаж.

— О, Аркадий, в зале и без нас будет столько блеска, что я побоялась ослепить публику, да и скромность, как вы знаете, не порок, — невинно отозвалась я.

Александринский театр гудел, как встревоженный улей. Когда мы входили в ложу, я чувствовала на себе десятки взглядов. Кто-то шептался: «Это та самая дочь Платона Сергеевича? Неужели такой видный господин заинтересовался этой скорбной девицей?»

Мне на руку было признание моей скромности, ничемности, моей заурядности. На такую никогда не подумаю, что она творит в городе хаос и вызывает головную боль у сильных мира сего.

Аркадий выпятил грудь, пытаясь соответствовать моменту, но я намеренно держалась в тени. Спектакль был чудовищным. Актеры завывали, заламывали руки и падали на колени с грацией раненых тюленей.

— Боже, посмотрите на этого героя, — шепнула я достаточно громко, чтобы услышали в соседней ложе, где сидел какой-то важный генерал с супругой. — Он страдает так, будто у него не несчастная любовь, а острая подагра. А прима? Ее мимика напоминает мне Фомича, когда тот видит испорченную матрицу.

— Лизавета, тише! — зашипел Аркадий, краснея до корней волос. — На нас смотрят!

— Пусть смотрят, — я фыркнула, открывая веер. — Критика — это двигатель прогресса. Если актер не может отличить пафос от истерики, пусть идет торговать бубликами.

Соседи справа — чопорная чета в бриллиантах — возмущенно обернулись, шикнув на нас. Аркадий сидел как на иголках, дергаясь при каждом моем остром замечании. Я видела, как он сжимает набалдашник трости: его раздражала моя независимость, мой сарказм, но он всё еще надеялся прибрать к рукам и меня, и газету.

Вечер тянулся вечность. Я думала о Шелестове. Почему

он пришел сам? Почему так откровенно рисковал? Мой умпиарщика рисовал схемы: если он говорит правду, это будет сенсация. Если лжет — идеальный пример для позорного столба. Когда мы, наконец, вернулись домой, и Аркадий, рассыпаясь в фальшивых благодарностях, начал раздеваться, Марфутка встретила нас в прихожей.

Она заговорщицки подмигнула мне и, когда жених отвлекся на разговор с отцом, сунула мне в руку конверт.

— Принесли, барышня, — прошептала она. Я мгновенно спрятала письмо за корсаж. Сердце почему-то забилось чаще.

Ужин прошел в напряженной атмосфере. Аркадий, по-хозяйски расположившись за нашим столом, разливал вино и как бы невзначай задавал вопросы:

— Платон Сергеевич, а скажите-ка, как обстоят дела с расчетами за бумагу? Говорят, вы увеличили закупки? Тираж-то, я гляжу, пошел вверх... Неужто статьи этих ваших «бедных студентов» так окупаются? Признаться, я даже понимаю, почему газета стала интересоваться свет! Огонька в ней стало побольше. С одной стороны, конечно грубовато, где-то мещански, напористо, но ведь невозможно оторваться!

Я замерла, глядя на отца. Платон Сергеевич, к моему удивлению, даже не дрогнул. Он медленно отрезал кусочек телятины и, не поднимая глаз, ответил:

— Бумага нынче дорога, Аркадий. А студенты... ну что студенты? Народ молодой, горячий, пишут за копейки. Мы

едва сводим концы с концами, долги-то давят, сами знаете.

Я мысленно аплодировала отцу. Он научился играть в мою игру! Аркадий прищурился, явно не веря, но крыть ему было нечем. Он не знал про секретную бухгалтерию в моих колонках. Пока он видел только верхушку айсберга, а я уже вовсю готовилась к следующему ходу в этой шахматной партии, где ставкой была наша свобода.

Перед сном, закрывшись в комнате, я дрожащими пальцами вскрыла письмо. Внутри была лишь одна фраза: «Завтра в сумерках у Андреевского моста. Если вы и завтра не придете, я больше не побеспокою вас. Е.Ш.»

Я погасила свечу, слушая, как бьется дождь о стекло. А мое сердце билось в такт слогов: боль-ше-не-по-бес-по-кою!

Глава 15

Еще один момент моей тайной жизни начался под аккомпанемент колокольного звона, плывущего над Крюковым каналом, и тяжелого предчувствия в груди. Вечер следующего дня опустился на город внезапно, укрыв набережные липким, сизым туманом, в котором фонари мерцали, как размытые желтые пятна на акварели нерадивого ученика.

Я чувствовала себя сапером на минном поле. Столпянский после вчерашнего театрального фиаско стал подозрителен, как старая дворовая овчарка, а мое нежелание следовать его правилам только подливало масла в огонь. Но игра стоила свеч.

Если Шелестов не тот монстр, каким его малюет свет, то у меня в руках оказывался сюжет, способный не только разорвать шаблоны, но и уничтожить репутацию лгунов.

— Лиза, мы совершаем безумство, — прошептала Софья, кутаясь в темную накидку. Мы стояли в тени кованой решетки, в квартале от нашего дома. — Если нас увидит кто-то из знакомых Аркадия... или если папенька узнает...

— Папенька сейчас увлечен корректурой статьи о метеорологических наблюдениях, — отрезала я, всматриваясь в глубину улицы. — А Столпянский пусть привыкает, что я — не комнатная болонка, которую можно выгуливать только по

расписанию. Тс-с... Едет.

Из тумана бесшумно, как призрак, выплыла закрытая наемная карета. Никаких гербов, никакой позолоты — просто черный лакированный кузов, сливающийся с ночью. Дверца распахнулась, и я увидела знакомый силуэт. Евгений Шелестов протянул руку, помогая нам подняться.

Его ладонь была горячей и твердой, как гранит, нагретый солнцем. Внутри кареты пахло кожей, табаком и чем-то неуловимо мужским — смесью дорогого одеколона и свежего ветра. Софья забилась в самый дальний угол сиденья, стараясь стать невидимой. Она чувствовала себя крайне неудобно в этой атмосфере заговора, а присутствие Шелестова, чья фигура в тесном пространстве экипажа казалась еще более внушительной, подавляло её.

Шатен сидел напротив меня, и в полумраке его глаза казались двумя глубокими провалами, полными затаенной боли.

— Благодарю, что пришли, — голос Евгения был негромким, но он заполнял собой всё пространство. — Я не ждал такой милости после того, как ворвался к вам в типографию.

— Я здесь не ради милости, господин Шелестов, — я поправила перчатки, стараясь вернуть себе деловой тон. — Я здесь ради истины. Вы обещали факты. Моя газета не терпит пустых слов.

Карета тронулась, мягко покачиваясь на рессорах. Копыта лошадей глухо стучали по брусчатке, создавая ритмичный фон для нашего разговора. Шелестов вздохнул и вытащил из

внутреннего кармана пальто папку с бумагами.

— Взгляните на это, — он передал мне листы. — Это копии векселей, предъявленных к оплате за последнюю четверть года. Все они подписаны моей рукой. Но присмотритесь к нижнему росчерку. При слабом свете масляного фонарика, закрепленного внутри кареты, я начала изучать документы. Я видела тысячи подписей в своей прошлой жизни, и мой глаз был наметан на мелкие нестыковки.

— Наклон линии... — пробормотала я. — И хвостик у буквы «Ш». Он чуть более пологий, чем на оригиналах.

— Именно, — Шелестов подался вперед, и его лицо оказалось совсем рядом с моим. — Моя супруга, Аглая Николаевна, обладает талантом, которому позавидовали бы фальшивомонетчики. Но схема куда изящнее. Её кузен, Валериан фон Штрих, о котором вы слышали как о «бедной больной тени», поселившейся в нашем доме... Он не просто живет там. Он — архитектор моего разорения.

— Но свет уверен, что он едва дышит! — вставила Софья, не удержавшись. Евгений горько усмехнулся.

— Он дышит полной грудью, когда я за порогом. Валериан — игрок. Он проиграл состояние своей ветви семьи еще пять лет назад. Вместе с Аглаей они создали фиктивную задолженность перед подставными лицами. Деньги из моего капитала переводились на счета фирм, которые якобы поставляли оборудование для моих мануфактур. На деле — эти фирмы принадлежат Валериану через третьих лиц.

— Почему вы не пойдете к прокурору? — я подняла на него взгляд.

— Потому что формально всё чисто, — Шелестов сжал кулаки. — Заказы оформлены, бумаги подписаны «мной». А Валериан... официально он парализован ниже пояса и не встает с кресла. Как обвинить инвалида в финансовых махинациях международного масштаба? Аглая играет роль святой мученицы, ухаживающей за больным братом и страдающей от мужа-гуляки. Каждый мой шаг, каждая попытка оправдаться интерпретируется светом как пьяный бред или жестокость. Они лишили меня не только денег, они лишили меня голоса.

Я замолчала, обдумывая услышанное. Это был классический «газлайтинг» в обертке девятнадцатого века. Изящно, жестоко и абсолютно безнаказанно. Я смотрела на него, и мой аналитический ум уже начал выстраивать контратаку, но вдруг фокус моего внимания сместился.

Тишина в карете стала осязаемой. Я заметила, как свет фонарика играет на его мужественном лице — на резкой линии челюсти, на капле дождя, застрявшей в густых бровях. И губы... У него были удивительно четко очерченные губы, которые сейчас, когда он замолчал, были плотно сжаты. В них чувствовалась такая сила и одновременно такая скрытая нежность, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Я поймала себя на том, что неприлично долго смотрю на его рот, пытаясь предугадать следующее слово.

Почувствовав мой взгляд, Евгений повернул голову. Наши глаза встретились. В этом мимолетном контакте было больше электричества, чем во всех телеграфных линиях Петербурга. Я резко отвела глаза, внезапно осознав, что он замолчал уже несколько секунд назад и просто ждет моей реакции. Мои щеки предательски вспыхнули.

— Это... это требует стратегического подхода, — выдавила я, глядя в окно на проплывающие мимо тени домов. — Если мы просто напишем правду, нам не поверят. Нужно сделать так, чтобы кузен «выздоровел» на глазах у всех. Или чтобы ваша супруга сама совершила ошибку.

— У меня нет времени на долгие осады, — тихо произнес он. — Кредиторы начнут опись имущества через две недели. — Значит, мы будем действовать быстро, — я обрела привычную уверенность. — Я подумаю над планом. Высадите нас здесь.

Карета остановилась за углом. Евгений снова помог нам выйти. На этот раз он задержал мою руку в своей чуть дольше, чем того требовали приличия.

— Спасибо, Лизавета Платоновна. Каков бы ни был итог, вы — первая, кто не отвернулся от меня.

Когда экипаж растворился в темноте, мы с Софьей быстрым шагом направились к нашему дому. Софья долго молчала, семена рядом и поправляя сбившийся платок, но в самом подъезде она вдруг остановила меня, взяв за локоть.

— Лиза... — она заглянула мне в лицо, и её взгляд был

непривычно пронизательным. — Ты сама не заметила?

— Чего не заметила? — я старалась придать голосу будничность, хотя сердце всё еще выстукивало странный ритм.

— Ты никогда такой не была, — подруга покачала головой. — Ты всегда такая собранная, едкая, видишь всех насквозь. А сейчас... ты была как будто очарована. Ты даже не заметила, что он трижды задал тебе вопрос, пока ты смотрела на него. Очарованная, невнимательная... Лиза, ты уверена, что это только деловой интерес?

— Ерунда, Софья, — я высвободила руку и начала подниматься по лестнице. — У меня просто мигрень от этих...

— Глаз? — добавила за меня Софья, хотя я выбирала между туманами и дождями.

— И вообще, нам нужно успеть к ужину, пока папенька не съел все пирожки в одиночестве, — ответила я, делая вид, что не слышала ее реплики.

Но внутри я знала: Софья права. Впервые мой холодный рассудок дал трещину, и в эту трещину заглянуло что-то пугающее и притягательное одновременно.

Ужин проходил под знаком «генеральского присутствия». Почечуев-Задунайский, сияя как начищенный грош, уже восседал за столом, демонстрируя отцу новую систему раскладывания пасьянса «Победа над скукой».

— А, вот и наши грации! — протрубил он, едва мы вошли. — Платон, я тут подумал: в субботнем номере нужно обязательно добавить гравюру! Я в профиль, на фоне зна-

мен. Пусть народ видит мощь и статью! А подпись сделаем такую: «Грифон в полете не знает преград». Лизавета, как вам идея? Я даже нашел художника, недорого возьмет, всего-то за обед и пару чарок лафита!

Я опустила на стул, чувствуя, как напряжение дня сменяется легкой истерикой.

— Аристарх Саввич, — я улыбнулась, — если мы добавим ваш профиль, тираж раскупят не только вдовы, но и художники Императорской академии — для изучения идеальных пропорций античного героя. Но давайте побережем этот козырь для особого случая. Например, когда объявим о вашем... э-э... тайном меценатстве.

Генерал заунывно заурчал, поскольку все, что касается вложений не в него, а уж тем более за его счет, вызывало в нем тоску и почти ощутимую всем окружающим боль.

— Это... значитса... мне нужно совершить некое пожертвование? — уточнил «грифон», задержав носом. Я знала, что нос у него начинает дергаться исключительно перед моментом ретировки.

— Именно, дорогой наш «главный герой». Это добавит вам шарма, добавит вашему образу милосердия. А милосердие, знаете ли... очаровывает дам, — закончила я, чуть не ляпнув вместо «очаровывает» привычное моему времени «возбуждает». То-то был бы конфуз!

Я поймала взгляд отца. Он смотрел на меня тепло, но в глубине его глаз все еще таилась тревога о тех шестидесяти

процентах долга. Я кивнула ему, без слов обещая, что всё будет хорошо.

В кармане моего платья жгло письмо, переданное Марфуткой. Я знала, что там — очередное требование Аркадия о встрече или, что еще хуже, отчет его шпионов. Но сейчас, глядя на довольного генерала и серьезного отца, я думала только о том, как заставить «инвалида» Валериана станцевать мазурку на глазах у всего Петербурга. И о том, какие невероятно грустные глаза у Шелестова.

Глава 16

Я едва не запустила чернильницей в стену, когда вспомнила о письме жениха в кармане, когда явилась в типографию. Работа кипела, и наш наборщик Фомич относился ко мне уже без пафоса. Мало того, он встречал меня, как королеву, как спасительницу, что на деле было истиной.

Письмо от Аркадия Столпянского благоухало изысканным парфюмом и неприкрытым собственничеством.

«Драгоценная Лизавета Платоновна, — писал мой «официальный надзиратель», — не кажется ли вам, что наши редкие встречи в театре лишь распаляют моё нетерпение? Вы так настойчиво просили времени, чтобы мы могли "лучше узнать друг друга", но я вижу вас в типографии чаще, чем в собственной компании. Полагаю, нам стоит увеличить частоту визитов, дабы сократить дистанцию между нашими сердцами...»

— Дистанцию он хочет сократить, — прошипела я, сминая надушенный листок. — Скорее я сокращу тираж его мануфактурной рекламы.

Сама виновата, Лиза, заигралась в «невесту», теперь пожинай плоды своего пиар-плана. В этот момент дверь моего кабинета распахнулась, и на пороге возник Николай — мой драгоценный Коко, сияющий, как начищенный медный таз.

В руках он держал конверт из плотной, почти лубяной бумаги, запечатанный огромной блямбой сургуча, на которой красовался оттиск чего-то, напоминающего то ли каравай, то ли герб с коровами.

— Лиза! Свершилось! — Коко картинно прижал письмо к груди. — Настоящий заказчик! Самородок! Золотая жила в кокошнике!

Я выхватила письмо. Наконец-то! Клиенты начали понимать, что со мной не нужно искать случайных встреч в парке, а можно просто написать.

— Это от Аграфены Саввишны за купеческим титулом Ложкиных, — Николай забрал из моих рук письмо и без приглашения плюхнулся в кресло, тут же распечатав послание и принялся зачитывать вслух, периодически присвистывая.

— Ты только слушай этот слог: «Милостивая государыня, ведаю, что вы из любой коряги можете вырезать Аполлона Бельведерского...» Лиза, эта баба побогаче некоторых графов! Ты знаешь, кто такие Ложкины? Они же в прошлом месяце с самим Императорским двором контракт подписали. Целый год будут поставлять к монаршему столу масло, сливки и молоко высшего сортового отбора. У них коровы, небось, на шелках спят и Моцарта слушают! — Николай перевернул страницу, и его лицо вдруг приобрело выражение крайней степени скепсиса. — Но суть вопроса... О-о-о, тут мы вступаем на зыбкую почву чудес. Аграфена Саввишна желает пристроить дочку. В идеале — за дворянина. Цити-

рую: «Красивого, молодого, чтобы ни разу не разведенный, бездетный и в карты не слишком азартный».

Коко скривился, словно у него внезапно разболелся зуб.

— Я видел эту... «невесту». Глафиру. Лиза, это не девушка, это катастрофа в рюшах. Курносая до такой степени, что во время дождя ей, кажется, нужно зонтик над ноздрями держать. Веснушек столько, будто в неё выстрелили из мушкета, заряженного гречкой. А походка... Николай вскочил и принялся карикатурно маршировать по кабинету, выпятив живот и широко расставляя ноги. — Она не идет, она сваи заколачивает! И при этом пытается кокетничать, обмахиваясь веером так, будто отгоняет стаю назойливых мух от куска лососины.

— Коко, прекрати! — я не выдержала и расхохоталась. — Это жестоко. Мы откажем. Я не волшебник, я не могу вырастить дворянское достоинство там, где природа пожалела даже симметрии.

— Отказать?! — Николай замер, округлив глаза. — Лиза, ты с ума сошла? Там золота — что у твоего Плутоса! — он вдруг глянул на меня с сожалением. — Прости, ты же не знаешь кто такой Плутос...

— В греческой мифологии бог изобилия и плодородных сил земли. Сын Диметры и...

— И почему я не удивился? После того удара о крыльцо, нашей Лизаветы больше с нами нет. Думаю, на ее месте теперь кто-то другой, но я не ропщу, милая сестрица, поскольку

ку жизнь стала настолько интересной, что хоть самому иди и стучись о камень головой, - перебил меня братец, который даже не представлял, что последним моим заказом был ребрендинг компании с названием «Плутос».

— Матушка-купчиха обещает такой гонорар за «правильный шум в прессе», что мы сможем добавить две части из шести к нашему черному капиталу!

Я задумалась. Четверть долга уже была в кармане, но независимость от Аркадия манила меня куда сильнее, чем отдых.

— Хорошо. Пиши ответ. Встречаемся через три часа в кофейне «Доминик». Пусть приводят «лот» для осмотра.

Пока мы шли по Невскому, я еще раз проинструктировала Николая: — Коко, если ты хоть раз хмыкнешь или — упаси боже — начнешь копировать её мимику, я пас. Мы должны выглядеть как серьезное агентство по репутации, а не как передвижной цирк.

— Клянусь своей лучшей жилеткой! — Николай прижал руку к сердцу. — Буду истинным светским господином. Если я выдам хоть намек на смешок, клянусь — сам на этой Глафире женюсь!

— Ну, в нашем нынешнем финансовом положении — это был бы блестящий выход для семьи, — подколола я его, поправляя шляпку.

В кофейне нас уже ждали. За самым большим столом в углу, занимая собой всё пространство, сидела Аграфена Савишна — монументальная женщина в парче, которая смот-

релась в изысканном интерьере «Доминика» как самовар на балу у герцога.

Рядом, втиснутая в корсет цвета «парижской грязи», сидела Глафира. Веснушки действительно были выдающимися, а курносый нос задиристо глядел в потолок.

— Кофий ваш — бурда, — заявила матрона вместо приветствия, едва мы присели. — Нам, любезная, подай самовар. Настоящий! Чтобы с сапогом! И блюдца глубокие, а то чай в этих чашечках как в наперстках — пока губы намочишь, уже и остыл.

Официант, бледный от ужаса, бросился выполнять заказ. Николай, к моему удивлению, даже бровью не повел. Он вежливо поклонился, галантно пододвинул стул Глафире, которая в ответ так густо покраснела, что её веснушки превратились в созвездия на багровом небосводе.

— Обаяние вашего семейства, сударыня, затмевает даже блеск вашего контраста с Императорским двором, — произнес Коко таким бархатным голосом, что я едва не подавилась воздухом.

Когда принесли самовар, началось действие. Аграфена Саввишна широким жестом разлила чай по блюдам. Они с дочерью синхронно подняли их на растопыренных пальцах, шумно втянули воздух и начали оглушительно прихлебывать. Глафира при этом пыталась смотреть на Николая «томным взором», что в сочетании с блюдцем у подбородка выглядело как подготовка к цирковому номеру.

Коко крепился. Он деликатно пригубил свой крошечный кофе, глядя на это «чаепитие у купцов» с таким священным трепетом, будто изучал редкий обряд диких племен Амазонки.

— Нам нужно, чтобы про Глашку в вашей газетке написали, — Аграфена Саввишна вытерла рот расшитым платком. — Да так, чтобы князья в очередь выстроились. Она у меня девка крепкая, здоровая, а что нос коротковат — так, зато в тарелку не лезет!

Я внимательно посмотрела на девушку. Глафира была не просто «страшненькой», она была... настоящей. В ней не было ни капли той жеманности, которая так ценилась в свете, но была какая-то кондовая, мощная энергия.

— У меня есть идея, — произнесла я, постукивая пальцами по столу. — Мы не будем делать из Глафиры Афродиту. Все и так знают, как она выглядит. Мы сделаем ход конем. «Масляная Принцесса».

— Чего-о? — Глафира даже блюдце опустила.

— Мы запустим слух, что ваша кожа — это результат секретных ванн из того самого молока, которое вы поставляете Государю. Скажем, что ваша курносость — признак древнего «скифского» аристократизма, который сейчас входит в моду в Париже. А веснушки — это «поцелуи солнца», которые проявляются только у девушек с невероятно сильной кровью.

— А женить-то как? — подозрительно прищурилась мат-

рона.

— Мы устроим благотворительный базар, где Глафира будет сама взбивать масло в золотой маслобойке на глазах у всех. Это будет перформанс. Мужчины любят зрелища и здоровый аппетит. Мы превратим её из «невесты с приданым» в «символ процветания империи». Мы накормим нищих булками с маслом, а в газете осветим сие событие. Кроме этого, будет несколько писем от тайных воздыхателей, горюющих на тему невозможности брака с этой нимфой!

Николай под столом больно ущипнул меня за ногу, пытаюсь сдержать дикий хохот. Но Глафира вдруг посмотрела на меня с такой надеждой и благодарностью, что мне на секунду стало стыдно. Впрочем, бизнес есть бизнес.

— Работаем, — резюмировала я. — Коко, готовь контракт.

Выйдя из кофейни, Николай рухнул на ближайшую скамейку и заржал так, что на него начали оглядываться горожане.

— «Скифский аристократизм»! Лиза, ты гений! Я чуть не женился на ней прямо там, лишь бы не слышать, как она прихлебывает из блюда!

Я смотрела на закатное солнце и думала о том, что здесь бояться нечего — девка уйдет после первого удара молотка, главное, чтобы выбрала не самого красивого, хотя... теща точно не даст ее в обиду!

В редакции Николай все не мог отойти от нашей встречи

с представительницами купечества, но волну смеха прервал тихий шелест платья. В дверях появилась Софья. Она выглядела необычно серьезной, даже бледной. Если Коко всё еще пребывал в эйфории от купеческого золота, то моя подруга, казалось, несла на плечах тяжесть всех тайн Петербурга.

Она мельком взглянула на кривляющегося Коко, но в её глазах не промелькнуло и тени улыбки.

— Лиза, — тихо произнесла она, игнорируя очередную остроту Николая про «веснушчатую богиню молочных рек». — Приехал нарочный. Не из тех, что газеты разносят. Другой.

Николай замер, мгновенно подобравшись. Его напускное шутовство слетело, обнажив острый ум игрока.

— Опять Столпянский со своими ревнивыми одами? — предположил он, нервно поправляя манжету.

— Нет, — Софья подошла к столу и положила передо мной плотный сверток, перевязанный суровой бечевкой. — Это от Шелестова. Он прислал документы. Те самые, о которых говорил в карете. Там и записка... Лиза, он прислал деньги.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Шелестов не стал ждать успеха или первых публикаций. Он действовал ва-банк. Я нетерпеливо сорвала печать. Сверху лежал листок, исписанный размашистым, мужским почерком.

«Елизавета Платоновна, внутри — оригиналы выписок и те самые векселя с поддельными подписями, которые мне

удалось перехватить через доверенных лиц. Я вверяю вам свою жизнь и остатки чести, ибо улик у меня больше нет. Надеюсь на сохранность этих бумаг — если они попадут в чужие руки, я окончательно стану призраком. В приложении — гонорар. Я взял ссуду у кредиторов, чтобы вы не считали это одолжением. Это работа. Сделайте её».

Коко присвистнул, заглядывая мне через плечо и видя пачку ассигнаций. — Ого... Наш «пропойца» явно решил поставить на кон последнюю рубашку. Взять у кредиторов, чтобы заплатить авансом? Лиза, это либо жест отчаяния, либо абсолютная уверенность в тебе. А может, и то, и другое.

Я молчала, глядя на ровные стопки бумаг. В голове уже начинала выстраиваться схема: как эти векселя превратить в доказательства, от которых не отмоется ни «святая» Аглая, ни её мифически больной кузен.

— Софья, спрячь это дома в моей комнате, а секретер закрой на ключ, — распорядилась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — А ты, Коко, прекращай зубоскалить. У нас две задачи: спасти нашего «монстра» и выдать замуж «катастрофу». И честно говоря, я не знаю, что из этого сложнее.

— Женитьба на Глафире — это подвиг Геракла, не меньше! — Николай снова попытался улыбнуться, но, глядя на моё лицо, лишь вздохнул.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.